

Наталья Тихонова

ШАМАНКА

Наталья Тихонова

Шаманка

«Accent Graphics communications»

2015

Тихонова Н.

Шаманка / Н. Тихонова — «Accent Graphics communications»,
2015

Написанный в жанре «мистический реализм» роман «Шаманка» представляет собой невообразимый микс из конспирологии, философии и психологии. В нем будет все; пришельцы, спецслужбы, мафия, политика. И на борьбу со всеми силами зла встанет хрупкая девушка по имени Ольга – правнучка великого шамана Иркинея. Получив магический дар от своих предков – древнего эвенкийского рода, она вступает в схватку с врагами России. От исхода этой битвы зависит судьба всего человечества.

© Тихонова Н., 2015
© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Часть первая. Ольга	11
1	11
2	15
3	27
4	32
5	34
6	44
7	48
8	56
9	58
10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталья Тихонова

Шаманка

Предисловие

«Дамы и господа, само понятие «секретность» противоречит свободному и открытому обществу. Мы, по своей природе и исторически, народ, противостоящий, секретным обществам, тайным орденам и закрытым собраниям. И эта система, мобилизовав многие материальные и человеческие ресурсы, построила крепкую, высокоэффективную машину, которая осуществляет военные, дипломатические, разведывательные, экономические, научные и политические операции. Все эти приготовления держаться в секрете и не публикуются. Её ошибки сокрыты и не выносятся на свет. Несогласных она заставляет замолчать. Не считаясь со слухами, для неё хороши все средства. Ни один секрет не раскрыт. Поэтому в древних Афинах был закон, который запрещал гражданам избегать публичной полемики. Я прошу вашей помощи в важном деле информирования и предупреждения народа Америки. Уверен, что с вашей помощью, люди станут такими, какими они рождены – свободными и независимыми.»

Это последняя речь Джона Фицджеральда Кеннеди, которая была записана на телевидении, но никогда не была показана по национальным каналам. Кому надо – тот услышал. Через десять дней после этой записи, 22 ноября 1963 года президента убили.

Пролог

После трехмесячного путешествия Николай Григорьевич Никульский, осужденный за растрату казенных денег, наконец, добрался по замерзшему Сибирскому тракту до места отбывания ссылки. Бывший коллежский асессор, с располагающей наружностью молодой мужчина, смиренно готовился принять свою незавидную участь. Прибыв за личный счет к месту поселения, он счастливо избежал ужасов этапа, когда партию арестантов – разбойников и убийц – ведут в кандалах по жутким грунтовым дорогам в Забайкалье и еще дальше до китайской границы.

Разжалованный и осужденный на семь лет сибирской ссылки за крупную покражу казенной кассы, он терпеливо сносил все невзгоды своего вынужденного путешествия. За неимением иных радостей он находил приятное в том, что ему не пришлось проделывать этот путь летом, когда комары и мошка заедают путников насмерть. Равно как и в межсезонную распутицу – время, когда в разверзшейся после дождей хляби колеса телег увязают по самую ось. Сейчас Николай Григорьевич с грустью и с облегчением думал: наверное, это хорошо, что он, петербургский повеса, не успел обзавестись женой и детьми, которые могли бы по причине его легкомыслия остаться без кормильца.

Место ссылки Николаю Григорьевичу назначили на одной из дальних застав Сибирского линейного войска. По прибытии он вручил сопроводительные документы казачьему сотнику – коменданту крепости, и счет дней заточения для бывшего коллежского асессора начался. Не имея возможности в полной мере возместить растроченные и проигранные в карты деньги, лишенный чести и всех прав состояния, он уже не надеялся на высочайшее помилование. Дорога на государственную службу отныне была для него закрыта. Пораженный в правах бывший государев слуга, теперь он не мог заниматься ни юридической, ни преподавательской или какой-нибудь иной связанной с умственным трудом деятельностью. Это сильно осложняло дело, ибо ничего стоящего руками Николай Григорьевич делать не умел.

В Сибири ссыльнопоселенцам категорически возбранялось без особого дозволения самовольно покидать место своего водворения, и это обстоятельство превращало ссылку в тюрьму, правда, с более мягким режимом. Хотя большинство побегов и были заранее обречены на провал, но тем не менее подобные намерения среди осужденных время от времени все же возникали. За попытку покинуть ссылку в пределах Сибири пойманный беглый преступник строжайше карался переводом в еще более отдаленное место или к тюремному заключению сроком до двух лет, а за побег в европейскую часть страны так и вовсе грозила каторга. И лишь по прошествии десяти лет после освобождения лишенцу могли быть возвращены его прежние права, и понятное дело, что доживали до этой милости немногие.

Николаю Григорьевичу, как человеку благородного происхождения, отгородили комнатку в большом рубленом доме, где проживали еще двое таких же ссыльных. Оба эти господина оказались из политических и крайней степени идейных. Они явно не считали осужденного по уголовной статье проворовавшегося царского чиновника персоной, достойной своего дружеского участия.

Обстановка, окружавшая Николая Григорьевича, не слишком располагала к приятному проведению времени, и надо было искать себе какое-либо занятие, без которого мужчина от дефицита впечатлений постепенно сходит с ума либо запивает насмерть. Хотя, если подумать, одно другому не мешает. К счастью для Николая Григорьевича, на территории острога размещалась фактория по закупке пушнины как у местных аборигенов, так и у прочего вольного охотничьего люда. Это помогало улучшить отношения местных тунгусов с казаками, на которых помимо охраны границы лежала еще и обязанность сбора ясака. Царское правительство мудро рассудило, что торговля лучше понуждения, и казакам было предписано строгое указа-

ние «призывать ясных лаской и приветом, а не жесточью, и налогу обиды у ним никак не чинить».

По прибытии на место Николай Григорьевич, оставаясь под надзором, был обязан избрать себе род жизни и приписаться либо в мещанство, либо в сельское состояние. С дозволения местного начальства он мог заниматься промыслами или мелкой торговлей. Грамотные люди нужны всегда и везде, и Николай Григорьевич весьма удачно пристроился в местную факторию приказчиком. Немудреное дело давало невеликий, но стабильный доход и помогало скрасить отсутствие приятного общества вообще и женского в частности. Если в отдаленных губерниях европейской части России администрация в местах ссылки стесняла ссыльных в занятиях умственным трудом, с точностью выполняя соответствующие предписания из столицы, то в Сибири, особенно в труднодоступных ее местах, администрация, не опасаясь внезапных инспекций, смотрела сквозь пальцы на подобную вольность.

Так прожив несколько месяцев и дождавшись теплого времени, Николай Григорьевич решил поближе узнать прилегающие окрестности и, если бог даст, развлечь себя охотой. Взяв провианта на пару дней и ружье с припасами, он с разрешения коменданта, с которым у него за карточным столом по вечерам сложились почти дружеские отношения, решил пройтись по верховью ближней реки, планируя не рисковать напрасно и не углубляться далеко в лес. Идти одному в тайгу без проводника неопытному человеку было дело безрассудным и даже глупым, но он об этом пока еще не знал.

Пройдя несколько верст по течению вверх, он заночевал первую ночь у костра на высоком берегу, соорудив себе шалаш из еловых веток. На второй день, уже достаточно осмелев и почувствовав себя человеком почти наторелым, он решился отойти подальше от реки и углубиться в чащу тайги. От присутствия ружья за спиной любой человек резко глупеет, а неопытный так особенно.

День был на редкость ясный и безветренный. Прошлогодний мох приятно пружинил под подошвами сапог, а уже достаточно горячее солнце, пробиваясь сквозь тяжелые лапы елей, ласково припекало щеку, поэтому настроение у Николая Григорьевича было прекрасное. Поплутав немного, где-то примерно через час он вышел на поляну с поваленными старыми деревьями и нос к носу неожиданно столкнулся с молодой и довольно худой после зимней спячки медведицей. Обычно медведица бывает опасна только в том случае, если человек нечаянно окажется рядом с ее медвежатами. Именно так в этот раз и произошло. Николай Григорьевич оглянулся и с ужасом увидел двух медвежат, каким-то образом оказавшихся у него за спиной.

Опытный охотник постарался бы медленно отойти в сторону, дав матери возможность, немного попугав незваного гостя, увести детенышей, и инцидент бы был исчерпан. Но мужчина впал в ступор, не зная, как поступить. Ничего хорошего от этой встречи ждать не приходилось. Зверюга, рыча и фырка, двинулась на незадачливого путешественника, и тот мысленно попрощался с жизнью. Медленно пятясь от надвигающегося зверя, он непослушными пальцами судорожно пытался снять ружье с плеча. Это было большой глупостью с его стороны, ибо подобные телодвижения зверь обязательно истолкует как реальную угрозу, и ответные действия не заставят себя ждать. А медведица хоть и была молодая, но, видимо, уже знала запах оружия.

После нескольких секунд отчаянных попыток Николаю Григорьевичу все-таки удалось вскинуть ружье, и, не целясь, он выстрелил в сторону рычащего и подступавшего на задних лапах зверя. Одновременно с выстрелом под ногами он услышал треск ломающихся веток и следом со всего маху упал навзничь в неглубокую яму. Обездвиженный страхом, он лежал, прижатый спиной к земле, а омерзительно вонючая, с огромными желтыми клыками пасть дышала ему прямо в лицо. Это был самый тошнотворный запах из всех, которые ему доводилось когда-либо слышать и который он не забудет уже никогда.

Первый удар лапой пришелся по голове, второй по груди, а третий должен был стать последним. Но, видимо, горе-путешественник родился под счастливой звездой, и третьего удара не последовало. В такие секунды даже самый отъявленный атеист поверит в Бога. Подобные чудеса не часто происходят.

Перед глазами Николая Григорьевича внезапно мелькнуло лезвие тесака, и чья-то рука резким движением пробила медведице горло. Хлынувшая фонтаном липкая кровь залила глаза охотнику, и он услышал, как зверь захрипел и навалился всей своей тяжестью на его парализованное от ужаса тело. Николаю Григорьевичу показалось, что сквозь рев хищника он услышал хруст костей и отвратительный треск лопающейся кожи, после чего потерял сознание.

Сколько времени он провел без чувств – неизвестно, но, очнувшись, мужчина обнаружил, что неподвижно лежит, придавленный мертвой тушей, а пробитая артерия на горле зверя все еще продолжает хлопнуть и плевать. Кто-то сзади, подхватив под плечи, начал пытаться вытащить его из ямы. Правда, сделать это оказалось довольно непросто. Переживший шок Николай Григорьевич не мог даже пошевелиться и хоть чем-то помочь. Через некоторое время усилия нежданного спасителя увенчались успехом, и крепкие руки незнакомца выволокли раненого из-под убитой медведицы.

Сквозь залитые кровью веки Николай Григорьевич пытался разглядеть своего избавителя и, к своему изумлению, увидел склонившуюся над ним молоденькую эвенкийскую девушку. Это настолько показалось невероятным, что он даже подумал, что бредит. Неизвестно, как бы привелось при других обстоятельствах, но в столь драматическую секунду девушка показала ему очень даже прехорошенькой. Две черные длинные косы с вплетенными в них цветными бисерными нитями обрамляли круглое и немного смуглое лицо. Раскосые и сияющие антрацитным блеском глаза тревожно, но с любопытством рассматривали мужчину, а небольшой пухлый ротик делал ее, можно даже сказать, по европейским меркам, почти красавицей. Бледная от нервного возбуждения и физического напряжения девушка глубоко и порывисто дышала, а из-за пояса у нее торчал длинный и острый тесак, которым она только что убила зверя. «Надо же! – подумал ошеломленный Николай Григорьевич. – Прямо валькирия!» Он захотел немного приподняться на локтях, но почувствовав острую боль, застонал и снова упал на землю.

Рваные раны на его голове и на теле, перемешавшись с кровью медведицы, сильно кровоточили, и было уже ясно, что без помощи ему не обойтись. Девушка подложила под голову мужчины его мешок с провиантом и попыталась промыть глубокие порезы от когтей. Поливая болезненные царапины чистой водой из кожаной фляги, она стояла перед раненым на коленях и что-то взволнованно и торопливо шептала. Наверное, это были какие-то тунгусские заклинания. И как ни странно, это подействовало. Мужчина через какое-то время почувствовал, что боль немного утихла и кровь остановилась. Тронув благодарной рукой свою спасительницу за локоть, Николай Григорьевич почти шепотом спросил: «Как тебя зовут, красавица?» Он не был уверен, что она его понимает, но девушка, смутившись, как-то трогательно и застенчиво улыбнулась и, немного потупив взгляд, тихо ответила: «Гунарая». Так он узнал имя своего ангела.

По-русски она говорила плохо, но понимала почти все. Мужчина попросил ее помочь добраться до крепости или позвать кого-либо на помощь, но девушка нахмурилась, покачала головой, и стало ясно, что на его счет у нее другие планы. Соорудив полозья из широких еловых лап, Гунарая уложила Николая Григорьевича на самодельные санки, перекинула себе за спину его ружье и поволокла раненого куда-то.

Периодически впадая в беспамятство от сильной потери крови, мужчина утратил счет часам, поэтому, сколько времени Гунарая вытаскивала его из тайги, он не понял. Начавшаяся горячка от воспалившихся ран и острая боль в спине наводили на невеселые мысли – без серьезной помощи хирурга ему, пожалуй, не выжить. Было уже совсем темно, когда в очередной раз он очнулся и услышал чей-то негромкий разговор.

С трудом разлепив опухшие веки, Николай Григорьевич обомлел – из-под включенных седых бровей на него смотрели чьи-то недобрые глаза. В свете костра слегка испуганный Николай Григорьевич увидел испещренное морщинами, словно расщелинами на древних скалах, лицо старого тунгуса. Казалось, будто чей-то безжалостный резец прошелся по лику внезапно ожившего каменного идола. Красноватые языки пламени отбрасывали пугающие тени, и от этого лицо старика становилось похожим на клюв хищной птицы. Тунгус озабоченно покачивал головой, что наводило путника на грустные мысли – положение его хуже некуда.

Если бы Николай Григорьевич смог сейчас адекватно воспринимать обстановку, то, наверное, по достоинству оценил экзотическую красоту склонившегося над ним человека. Более живописной фигуры бывшему столичному чиновнику до сих пор еще не приходилось видеть. Красочное одеяние с широкими рукавами, с которых свисали многочисленные кусочки кожи и не слишком чистые разноцветные ленты, в темноте делали старика похожим на огромную фантастическую птицу. На груди на шнуре висел металлический диск, а на голову была надета шапка, украшенная кованными оленьими рогами. Странные металлические подвески на меховой парке изображали фигурки животных и птиц. Звон пришитых к одежде колокольчиков и бубенцов создавали при каждом движении старика дополнительный звуковой эффект.

Раненому сразу пришла мысль, что перед ним человек высокого сана. Николай Григорьевич не ошибся. Этот столь необычный старик действительно оказался шаманом – причем самым могущественным на сотни верст в округе, о чем говорило множество амулетов на его одежде, изображающих духов-помощников. И звали его Иркиней.

Гунарая что-то возбужденно говорила старику, но тот только хмурился и резко отвечал ей. Через некоторое время его тон немного смягчился, и он кому-то крикнул в темноту. Подшедшие на оклик две старые тунгуски подхватили Николая Григорьевича под руки и поволокли в жилище шамана. Затащив его в относительно просторный чум, раздев и уложив на шкуры возле очага, они тихо уселись рядом с входом. Следом за ними вошел Иркиней вместе с Гунараей. Девушка склонилась к раненому и на ломаном русском языке тихо прошептала: «Отец тебя лечить будет. Я его уговорила. Он вернет тебе духа силы».

«Наверное, она хотела сказать, что он вернет мне силу духа», – горько усмехнувшись, подумал Николай Григорьевич. Бескорыстная забота хорошенькой дикарки тронула, а вот новость, что его здоровьем займется какой-то не внушающий доверия колдун, не слишком вдохновила. Конечно, он предпочел бы сейчас оказаться в руках настоящего лекаря, но его здесь не было.

Иркиней достал из сундука какие-то корни и сушеные травы с грибами и, бросив в котел, залил их водой. Потом повесил котел над очагом, сел рядом и, уставившись застывшими, как у покойника, глазами на огонь, начал ждать. Вокруг опустилась плотная тишина, которую периодически нарушало приятное потрескивание прогорающих веток. Старухи покорно смотрели на Иркинея, не выдавая ни малейшим звуком своего присутствия. Обстановка наступила довольно гнетущая.

Николай Григорьевич обреченно наблюдал, как посреди чума на медленном огне варилась шаманское снадобье. Периодически Гунарая тихо вставала, подходила к очагу и, не произнося ни слова, помешивала палкой отвар. С любопытством, стараясь делать это как можно более незаметно, она из-под опущенных ресниц украдкой поглядывала на лежащего на оленьей шкуре мужчину. Он явно ей нравился.

Когда примерно через час зелье уварилось до объема большой кружки, Иркиней очнулся от странного оцепенения и, окликнув Гунараю, приказал снять котелок с огня. Дав вареву немного настояться и остыть, девушка отлила небольшую порцию напитка в старую прокопченную деревянную плошку и поднесла к губам Николая Григорьевича. Мужчина понимал, насколько он сейчас уязвим и беспомощен. Никакого доверия напиток ему не внушал, но в его

положении было бы странно привередничать и выбирать, от какой смерти умереть. Возможно, от яда еще и лучше, потому что быстрее.

Выпив слегка горьковатую, пахнущую грибами и травами жидкость, ему не пришлось долго ждать начала действия шаманского зелья. Через полчаса онемение языка и струящееся, как песок, покалывание на коже рук и ног быстро дали понять, что действие отвара уже началось. Скованные одеревеневшие челюсти и путающиеся мысли больше не подчинялись Николаю Григорьевичу. Он поднял глаза и увидел, как в отверстии дымохода в черном ночном небе вместо звезд появились странно мерцающие необычными яркими красками широкие полосы. Негромкие голоса лающих где-то вдалеке собак пульсирующими ударами звучали прямо внутри его головы.

Иркиней допил остаток снадобья и, посидев немного с закрытыми глазами, взялся за свой ритуальный бубен. Подняв инструмент, он, что-то шепча, пронес его несколько раз над огнем и начал легкими и редкими ударами бить по нему колотушкой. По мере погружения старика в транс звук бубна звучал со все более нарастающим ритмом. Удары волнами пронизывали истерзанное тело Николая Григорьевича, заставляя его вибрировать в унисон с натянутой оленьей кожей, а заунывная песня шамана окутывала и погружала в какую-то неестественную дрему. Сознание постепенно уплывало, перед глазами все сильнее вскипали всполохи и разводы из ярких цветов, странные образы перед внутренним взором сменяли друг друга, и он почувствовал, как стремительно проваливается в бездну...

Проспав глубоким сном двое суток, Николай Григорьевич очнулся уже без горячки и с затянувшимися ранами. Гунарая напоила его вкусной наваристой шурпой, и жизнь показалась совсем и неплохой, особенно следующей ночью, когда девушка пришла и, раздевшись, залезла к петербургскому барину под дубленые шкуры. Он с благодарностью принял этот неожиданный подарок бесхитростной дикарки. Изголодавшись за долгий срок по женскому теплу, Николай Григорьевич с горечью понимал, что другой женщины, кроме этой, ближайшие годы иметь ему не предвидится, и на утро принял решение.

Он поблагодарил Иркинею за помощь и сказал, что хочет жениться на его красавице дочери и, как полагается, готов заплатить за нее выкуп. Женщины у тунгусов находились в фактическом рабстве у мужчин, так что проблем с приобретением жены у Николая Григорьевича не возникло. Хороший нож немецкой работы и дорогое с серебряными накладками ружье стали достаточным основанием, чтобы породниться с самым могущественным шаманом Приангарья Иркинеем из великого рода Зычигир.

Окончательно выздоровев, Николай Григорьевич вернулся в факторию вместе с молодой женой. Жизнь мужчин в крепости была суровая, женщин в ней почти не было, поэтому Николай Григорьевич решил оградить свою спасительницу от притязаний других ссыльных и местных казаков. Он отвез Гунараю в ближайшую станицу, окрестил ее по православному обряду, заодно и обвенчался. Девушку нарекли при крещении Просковеей, и теперь она находилась под защитой мужа и церкви. Привезя законную жену обратно в острог, Николай Григорьевич зажил с ней вполне счастливо, насколько это было возможно в его положении.

Через полгода Просковеея понесла, а еще через девять месяцев разродилась здоровеньким ребеночком и умерла от открывшегося после родов кровотечения. Похоронив жену, Николай Григорьевич отвез младенца за пятьдесят верст в ближайшую станицу, окрестил малютку и за небольшую мзду оставил кормилице – местной казачке, у которой только что умер ребенок. Навещал сына нечасто, привозя деньги на его содержание, но, когда срок ссылки вышел, забрал с собой в Петербург. Так внук великого черного шамана Иркинея оказался далеко от родных краев.

Часть первая. Ольга

1

На траве лежало обнаженное тело. Глядя на свой окровавленный труп, Ольга пыталась заставить себя проснуться и не могла. Ее воспарившее сознание с отвращением смотрело на каннибальское пиришествo странных людей и обреченно понимало всю глубину собственной беспомощности. Даже для сна этот кошмар был чересчур.

В центре поляны горел костер. В огромном чане, стоящем на камнях примитивного очага, булькая и слегка выплескиваясь через край, начинала закипать вода. Старик в рогатой короне уверенным взмахом отсек правую руку от туловища, а старуха в китайском халате ловко управлялась с левой. Молодому мужчине в короткой замшевой малице для разделки досталась нога Ольги. Уже отрезанную, он попытался засунуть ее в кипяток, но голень вместе со ступней все время вылезала наружу. После нескольких неудачных попыток зачихнуть ногу целиком мужчина вытащил ее обратно и принялся переламывать коленный сустав. Кость мерзко хрустнула, и привычным движением обвальщика он рассек кожу и сухожилия под сломанной коленной чашечкой. Побросав теперь уже более короткие обрубки в воду, мужчина повторил процедуру и со второй конечностью.

Тем временем другая старуха отсекла голову. От сильного удара голова Ольги отскочила и укатилась так далеко в сторону, что старухе пришлось бежать за ней. Догнав и схватив за волосы, она притащила ее обратно к костру. Пока несла – кровавый ручеек тянулся следом за ней по земле. Вернувшись, старая ведьма ловко отколола затылочную кость и, вытряхнув мозг, закинула пустой череп в котел. Ошпаренные кипятком веки распахнулись, и мгновенно побелевшие глазные яблоки с неподвижными зрачками выкатились наружу. Казалось, еще секунда, и, громко лопнув, они забрызгают все вокруг.

Следом съезжившиеся жевательные мышцы разомкнули челюсти, и посеревиший кончик языка высунулся между зубов. Наблюдать это тошнотворное зрелище было нестерпимой мукой. Но страшнее всего выглядели длинные пряди волос. В поднимающихся со дна бурлящих пузырьках они веером всплыли на поверхность и словно черные живые змеи начали шевелиться вокруг мертвой головы. Увидев подобное, любой человек умер бы в тот же миг от шока. А Хичкок во второй раз от зависти. Но когда отрубленная голова в очередной раз всплыв, пристально и с укором посмотрела Ольге в глаза, от ужаса та громко вскрикнула...

...и проснулась. Ровный гул самолета, не меняя своей тональности, словно непроницаемым шлемом обволакивал голову. Сидящие впереди пассажиры устало дремали или что-то читали. Пытаясь унять сердцебиение, Ольга дрожащими пальцами провела по влажному лбу и затылку и сделала пару глубоких вдохов. Даже здесь, в самолете, уснув всего лишь на пару минут, нет ей покоя. Девушка снова закрыла глаза и откинулась в кресло.

Ольга не любила летать. Специфический запах салона, неудобные сиденья и однообразный шум мотора не делали перелеты приятным занятием. Но ехать с пересадкой на поезде из Петербурга до Иркутска представлялось ей делом еще более утомительным, поэтому морально она готова была перетерпеть дискомфорт нескольких часов перелета. Скорость передвижения предельно сжимало пространство, и трястись в душном вагоне несколько суток выглядело, с ее точки зрения, в двадцать первом веке полным анахронизмом.

Аспирантка факультета психологии СПбГУ, она летела в Приангарье для сбора материала к своей научной работе «Исследования в области измененных состояний сознания в реликтовых культурах народов Сибири». Коллеги из Иркутского университета пообещали ей устро-

ить встречу с одним сибирским шаманом и, если все сложится удачно, понаблюдать его работу в естественных полевых условиях.

Неизвестно почему уже долгое время ее неотступно притягивала эта скрытая за пределами привычного территория сознания. Она давно и настойчиво искала дорогу к ней и новый опыт для себя. Отдав в свое время дань увлечению многим восточным и мистическим традициям, сейчас ее больше всего интересовали экстатические состояния и визионерские практики шаманизма. Сокурсники Ольги частенько шутили, что это неумолимый зов предков тянет ее к корням и истокам.

Для подобных шуток у них были все основания. Ее чересчур высокие для славянского этноса, но при этом мягко сглаженные скулы и слегка раскосые со сросшимися внутренними уголками век глаза явно говорили о расовом смешении. Чуть дольше, чем могло бы показаться приличным, изысканная красота девушки невольно задерживала взгляды людей, видевших ее впервые. Окажись она немного глупей, неплохая карьера в модельном бизнесе была бы ей, несомненно, гарантирована. Уже много поколений по отцовской линии эти экзотические черты неумолимо проступали в облике всех женщин в роду. И никакие браки не смогли разбавить сильную азиатскую кровь, пришедшую когда-то давно из Сибири, разве что утонченно ее приглушили.

С незапамятных времен в семье Ольги жила легенда, что какой-то их очень далекий предок участвовал в восстании декабристов, был сослан в Сибирь, где женился на эвенкийской принцессе – дочери тамошнего могущественного вождя. Легенда была красивая, всем нравилась, и по этой причине никто и никогда не удосужился проверить ее достоверность. Впрочем, особой нужды и не было – родовые черты в лицах потомков семьи Никульских выглядели куда более убедительно, чем любые архивные документы.

В школе Ольгу дразнили «Гюльчатаяй, открой личико». Так уж повелось, что все русские женщины, оказавшись за границей, мгновенно становятся Наташами, а в России с азиатскими чертами – Гюльчатаяй. Но девочка была не только красивая. Не по-детски рано погрузившись в мир размышлений, она сильно выделялась на фоне своих медленно взрослеющих умом сверстников. Молчаливая и не по годам сдержанная, она казалась старше своего возраста. Неуклюжие заигрывания тайно влюбленных в нее мальчишек не слишком ее задевали.

Ну, и, как полагается умной девочке, еще в старших классах Ольга увлеклась не любовными романами, что было бы естественно в ее нежном возрасте, а эзотерической литературой. Как раз наступило время, когда та в изобилии появилась на прилавках. Народ жадно налетел на книжные развалы и принялся поглощать все без разбору, лишь бы это чтиво никоим образом не напоминало чего-либо советское. Больше похожее на диетическую еду – полезную, но, увы, слишком пресную. Демос попроще с большим аппетитом начал употреблять переводные детективы и в жажде чего-нибудь остренького и сладенького – эротику. Те же, кто считал себя поинтеллектуальней, в поиске духовности, восполняя внезапно образовавшийся идеологический провал, ударились в эзотерику. Читать ее стало хорошим тоном. Чакра, медитация и волнующее воображение роскошное слово «реинкарнация» до странности легко прижились в лексиконе все еще пока хорошо образованного постсоветского человека.

Поэтому родители Ольги, люди вполне интеллигентные и не зашоренные, необычному увлечению своей дочери не препятствовали. Она относилась к тому счастливому типу непроблемных детей, которых любят учителя и чьи родители заходят в школу без содрогания. Вряд ли тогда она глубоко понимала суть всего написанного, скорее это была естественная тяга подростка ко всему таинственному и малопонятному. Но именно это необычное увлечение поставило перед еще неокрепшим умом девочки первый в жизни экзистенциальный вопрос: «Кто такой Человек? И для чего он есть?» Факультет психологии явно не стал случайностью в ее жизни.

Но вся эта литература не удовлетворяла жажды исследователя. Интуитивное предчувствие настойчиво нашептывало ей, что существует какая-то иная реальность, неуловимо ускользающая от нее. Реальность, которую невозможно понять или объяснить при помощи ментальных построений и научных терминов. Ей требовался личный опыт переживаний, и для этого она готова была подвергнуть свое тело и разум испытаниям, через которые проходит любой вновь обращенный адепт.

Много лет изучая психику человека, она осознала одну, казалось бы, на первый взгляд парадоксальную вещь: самое сложное – это понять, чего же он – этот человек – хочет на самом деле. Узнать свое истинное предназначение на практике оказывалось для большинства людей почти невыполнимой задачей. Рано или поздно любая думающая личность сталкивалась с проблемой смысла. Чем дальше Ольга погружалась в глубины внутреннего поиска, тем меньше находила обоснований для собственного бытия. Что-то было не так. Ни сомнительные достижения западной психологии, чьей целью было возвращение пресыщенному обывателю комфорта потребления, по какой-то причине вдруг утраченный, ни многотысячелетнее бегство востока в иллюзию абстрактной духовности, не имеющей ничего общего с реальностью, не давали истинной свободы ни тем, ни другим. Если проще – Ольга переживала кризис цели. Возможно, нынешняя поездка даст ей ответы на некоторые волнующие ее вопросы. Или хотя бы немного отвлечет от навязчивых мыслей.

Ольга взглянула в иллюминатор. Картина нагромождения причудливых облаков, простирающихся на фоне подернутого муаровой дымкой неба, подавляла своей грандиозностью. Вид за стеклом менялся медленно, и от этого казалось, что самолет почти неподвижно висит в каком-то замкнутом сюрреалистичном пространстве. Но вместо бурного восторга этот без какой-либо видимости границ пейзаж вызвал только раздражение. Она отвернулась от иллюминатора и снова погрузилась в себя.

Настроение, как и всегда в последнее время, было отвратительное. Ни потрясающая красота облаков, которая восхищала некогда, ни эта долгожданная поездка не могли отвлечь ее от тяжелых и неприятных мыслей. Начавшиеся несколько месяцев назад проблемы со здоровьем и прогрессирующая депрессия с каждым днем угнетали ее психику все больше. Сейчас даже было трудно узнать в этой сильно похудевшей с потухшими глазами девушке прежнюю спокойную и уверенную в себе Ольгу.

Первым симптомом болезни стала неестественная и однозначно нездоровая сонливость. Ей постоянно хотелось спать, и даже двенадцатичасовой и более сон не приносил облегчения. Она просыпалась совершенно разбитая и в полной апатии могла пролежать, не вставая с постели, еще несколько часов, запершись в своей комнате. Потом неожиданно начиналась бессонница, продолжавшаяся в течение нескольких дней. Бурный приток энергии и неадекватная ситуации эйфория через некоторое время опять сменялись эмоциональным спадом. Судорожные состояния и неясного происхождения боли во всем теле выматывали психику до предела. Постоянное эмоциональное напряжение, отсутствие аппетита, беспричинная тоска и тревога говорили о каком-то нервном расстройстве, а с недавних пор у нее периодически начали возникать галлюцинации.

Боковым зрением Ольга видела какие-то ускользающие тени и при этом отчетливо слышала тихий невнятный шепот и ощущала чье-то присутствие. Это пугало безумно. Сны, которые она не очень хорошо запоминала раньше, теперь поражали своей фантазмагорией. В невыносимо ярких красках она почти каждую ночь видела свою смерть. Ей снились пытки. Странные существа высасывали из нее кровь, разрывали на части и поедали ее тело. Потом шматки мяса выbleвывались из желудка, последовательно укладывались вдоль скелета, и труп вновь приобретал свой первоначальный вид. Но это все равно было мертвое тело, в которое еще не вдохнули жизнь. И так каждую ночь. Под утро очередное кошмарное сновидение заставляло

Ольгу с ужасом вскакивать, обливаясь липким с сильным запахом потом – явным симптомом гормонального сбоя.

Курс антидепрессантов ничего не дал. Диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» удовлетворил родителей, но по многим клиническим признакам заболевание все же больше походило на начинающуюся шизофрению. Договоренность о поездке сделана была еще до начала болезни, поэтому отменить ее не представлялось возможным. Сейчас она летела в Иркутск в надежде, что смена обстановки и новые впечатления как-то развеют и отвлекут от тягостных и навязчивых состояний.

Все началось в тот день, когда Ольга, движимая своими духовными и научными поисками, записалась на трехдневный семинар по холотропному¹ дыханию. Как человек теоретически подкованный, она прекрасно знала, на что идет и с чем ей придется там столкнуться. Но реальный опыт даже для нее, не дилетанта, оказался настолько ошеломляющим, что это стало причиной уже не управляемых и не подвластных ей дальнейших событий. С того момента как будто кто-то там, наверху, резким взмахом невидимой бритвы рассек нить ее жизни пополам, и она полетела в пропасть...

¹ Холотропное дыхание – метод трансперсональной психотерапии, заключающийся в гипервентиляции легких за счет учащенного дыхания. В результате вымывается CO₂ из крови, сосуды мозга сужаются, начинается торможение коры головного мозга и практикующий видит галлюцинации

2

Курс проходил на частной, давно не видевшей ремонта квартире хорошо знакомого Ольге по университету Алексея Вехвятского. Старый Питер – город мистический. Он как портал между мирами. Время здесь нелинейно. Форма пространства старого города воздействует на психику и меняет восприятие человека. Здесь он становится другим. Не факт, что лучше. Просто другим.

В прежние времена у советского руководства преобладала политика не столько благоустройства исторического центра, сколько выселения жителей на периферию в новостройки. Поэтому, в отличие от большинства старых европейских, уже давно прилизанных и адаптированных для комфортного проживания городах, в Петербурге все еще пока был жив трудно выразимый исторический дух, пусть даже и с не всегда приятным запахом подтопленных подвалов и подворотен.

Проходя через парадную лестницу с замазанными унылой шаровой краской полуколоннами и лепниной в просторные, с высоченными потолками барские хоромы, невольно впадаешь в иррациональное состояние. С каждым годом таких домов в Питере неумолимо становится меньше. Постепенно свежеиспеченные господа приводят свои квартиры и подъезды в состояние усредненного уровня комфорта со стеклопакетами, итальянской плиткой и джакузи. Но в этой большой и обшарпанной квартире, где проходил семинар, руки у хозяина, видимо, еще не дошли до организации подобных европейских сантехнических достижений. А может, просто на это не было денег.

Зато с избытком хватало книг, занимавших несколько старомодных шкафов времен сталинского неоклассицизма, каким-то чудом не ставших дровами в буржуйках блокады. Эти тяжелые, стилизованные под наполеоновский ампир, правда, без его пафоса, стеллажи с витринами стояли вдоль стен просторного холла и еще дальше в узком коридоре, уходящем вглубь квартиры. Где-то там, в дальней части прежде роскошных хором располагались личные «апартаменты» хозяина, куда «семинаристы» никогда не допускались.

Даже при беглом взгляде на потертые, с многочисленными трещинками коленкоровые переплеты фолиантов, стоящих за пыльными стеклами, становилось ясно, что посетитель попал в пространство, перенасыщенное историей. В век, когда одним щелчком в «окне» Википедии мгновенно становится доступной любая информация, невольно проникаешься уважением к поколениям, когда-то перетряхивавшим тонны словесной породы ради грана искомой мысли.

Группа собралась небольшая – человек пять. Случайных или мало осведомленных о предмете семинара людей среди них не оказалось. Была даже пара продвинутых холонавтов, посещающих семинар уже не в первый раз. Один из них оказался музыкантом, а его экстравагантной наружности подруга – художницей-концептуалисткой. Как поняла Ольга из разговора с ними, оба имели проблемы с вдохновением и сейчас находились в очередном поиске творческого прорыва. Но, судя по их несколько утомленному виду, все другие способы, к которым обычно прибегают представители богемы в преодолении творческих кризисов, они уже опробовали.

Третьим участником был мужчина немногим за сорок, по некоторым весьма характерным признакам – хронический холостяк, безнадежно проживающий с мамой. Низко склонив поросшую легким пушком плешку, он весьма манерно поцеловал Ольге ручку и представился, как поэт и философ, пришедший сюда за интуитивным озарением.

Но самым неожиданным участником семинара (трудно даже было в это поверить!) оказался православный священник отец Анатолий, преподаватель духовной академии. Волоокый красавец с креативно подстриженной бородкой, похожий на оживший портрет апостола. Или

даже на самого Христа работы Эль Греко – художника, имевшего дар преображать простые лица пастухов в одухотворенные лики святых.

Заметив несколько преувеличенный интерес к своей персоне, отец Анатолий пояснил, что на семинар его привело намерение лично исследовать мистический и религиозный опыт, который получают во время сеансов продвинутые холонавты. Правда, не уточнил: а, собственно говоря, с какой целью? Являлось ли это желанием сравнить личные переживания с тем, что уже было описано в религиозных текстах, или наоборот, разоблачить данное явление как ересь и бесовские игры воображения. Но в любом случае можно было сделать вывод: церковь, желая избавиться от репутации мракобеса и гонителя просвещения, стала более осторожна в своих отношениях с наукой вообще и с психологией в частности.

После небольшой вводной лекции с рекомендациями по технике безопасности всем участникам семинара ситтер Алексей Вехвятский раздал черные, не пропускающие свет маски и предложил занять место на матрасах на полу, покрытом ковролином. Потом включил красивую ритмичную музыку, и увлекательное, но одновременно и пугающее путешествие вглубь сознания началось...

Уже с самых первых вдохов и неестественно глубоких выдохов Ольга поняла, насколько трудно ей будет удерживать заданный музыкой темп. Кашель, слезы и удушье были первыми реакциями на противоестественный способ выдыхать воздуха из легких больше, чем при вдохе, не оставляя между ними ни малейшего временного зазора. Поддерживать быстрый ритм дыхания помогала музыка, но все равно это требовало больших физических усилий и колоссального напряжения. Уже через три-четыре минуты сеанса терпение начало стремительно иссякать и появилось сильное желание послать это нелепое и мучительное занятие подальше к чертовой матери. Но встать и просто так уйти в середине процесса не позволяло самолюбие, да и было как-то неудобно перед самим ситтером и другими участниками семинара. Поэтому ничего другого не оставалось, как продолжить добровольное издевательство над собственным организмом.

Но как только она, перестав сопротивляться, внутренне смирилась с мыслью, что ей придется пройти весь этот ужасный путь до конца, появился «свидетель». Ее сознание странным образом как бы раздвоилось. Один человек, находясь внутри процесса, судорожно активно дышал и ощущал себя полным идиотом, понимая, насколько он глупо сейчас выглядит со стороны. Другой, внимательно наблюдая за действиями первого, изучал и анализировал все происходящее.

Примерно на пятой минуте гиперактивного дыхания Ольга, наконец, почувствовала отчетливые изменения в теле. Теперь явственно ощущалось, что звуковые вибрации мелодии вызывают ответную реакцию ее организма. Казалось, они глубоко проникают под кожу и превращают тело в резонирующую с музыкальным ритмом струну. Сильное головокружение и легкое покалывание на коже вместе с металлическим привкусом крови во рту усилили дисконфорт, но «свидетель» отметил этот момент как положительный и обнадеживающий. Процесс перехода в бессознательные области психики начинался.

Вскоре к имеющимся симптомам прибавился еще один – знакомая почти каждой женщине ноющая и тянущая боль в пояснице и спазмы в нижней части живота. Ольга понимала, что от малоприятного состояния можно быстро избавиться, если прекратить это насильственное дыхание, больше походившее на лай осипшей собаки. Но «свидетель», движимый любопытством, не позволял ослабить темп и настойчиво подгонял тело вперед. Он внимательно наблюдал за незнакомым прежде состоянием и, стараясь запомнить все детали и нюансы процесса, анализировал и структурировал новый для себя интересный опыт. Чем дольше «свидетель» наблюдал за эмоциями или возникающими образами и ассоциациями, тем сильнее приобретал чувство разотождествления с предметом наблюдения, осознавая себя чем-то гораздо большим.

В какой-то момент Ольга вдруг ощутила необычайную легкость, похожую на невесомость, и с удивлением почувствовала, как частое и глубокое дыхание теперь происходит автоматически – без какого-либо ее усилия. Стало ясно, что имеют в виду спортсмены, говоря «открылось второе дыхание». Тело само, без понуждения подчинилось заданному ритму музыки, наполняясь невероятной эйфорией. «Свидетель» моментально зафиксировал изменение, предположив, что до предела отравленный мозг, наконец, прорвал сенсорный барьер. Включившиеся до сих пор спавшие резервы теперь позволяли сознанию приступить к исследованию более глубоких пластов памяти уже без прежнего мучительного напряжения. «Свидетель» отследил новое эмоциональное состояние, истолковав его как выброс эндорфина из гипофиза в кровь и остался доволен.

И в эту секунду произошло то, ради чего Ольга терпела все эти муки: она увидела себя маленькой девочкой, стремительно падающей вниз с огромной высоты в кабине какого-то аттракциона. Совершенно забытый случай. Ей шесть лет, и они всей семьей впервые в луна-парке. Испытывая ужас и восторг одновременно, она изо всех сил прижимается к маме. Мама от страха вопит что есть силы не своим голосом и этим пугает ребенка еще сильнее. Следующим прорвавшимся из прошлого воспоминанием стала психическая травма, полученная ею во время удаления аденоидов в пятилетнем возрасте и напугавшее ее до полусмерти удушье от аллергической реакции на какое-то лекарство. Все болезненные и вытесненные воспоминания всплыли, ожили и вновь стали реальными. Тактильные и визуальные ощущения были практически неотличимы от когда-то давно пережитых.

Но, постепенно освободившись от суеты, видения прошлого начали затухать, визуальное поле сужаться, и Ольге показалось, что она попала в место, которому не находилось определения. Пропорции тела неестественно изменились, исчезло восприятие цвета, и появилась, как при попадании воды в слуховой проход, заложенность в ушах. Не понимая, что происходит, она внимательно прислушивалась к необычным реакциям своего организма на незнакомую среду. Ей почему-то казалось, что ее голова стала несоразмерно большой. Нет, даже не большой, а невероятно огромной по сравнению с другими частями тела. Несколько секунд Ольга пыталась осмыслить эти странные ощущения, как вдруг с изумлением поняла: она – эмбрион!

Одно дело читать об этом в специализированной литературе и совсем другое – переживать. Потребовалось некоторое количество времени, чтобы справиться с потрясением и осознать свой новый опыт. Но, постепенно привыкнув к необычным ощущениям, Ольга поняла, что, пожалуй, быть эмбрионом довольно приятно. Погруженная в теплую, как парное молоко, жидкость, она испытывала удивительное состояние невесомости, покоя и единства с матерью, которое осуществлялось через прикрепленную к плаценте пуповину. Слышала отчетливое биение ее сердца и забавное бульканье газов, исходившее из кишечника, лежащего где-то рядом за стенкой матки. Приглушенные звуки необычного тембра приходили из внешнего мира и искажались толщей околоплодной воды.

В эту секунду Ольга испытывала самое удивительное и умиротворяющее чувство из всех когда-либо прежде пережитых. Здесь, в океане покоя, не надо было думать о еде, о теплой одежде или деньгах. Все физические потребности удовлетворялись только одним присутствием здесь – на территории предельного совершенства. Теперь с абсолютной ясностью она понимала, что люди называют раем. Рай это не то, куда попадают праведники после смерти. Это божественное пространство, полное мира и любви, где каждый человек, побывав однажды и даже забыв обо всем, сохранил в глубинах мозга свою неизбывную тоску о нем. И вечное стремление вновь вернуться и опять пережить то изначальное блаженство нескончаемой безмятежной радости и никогда больше его не покидать.

Неожиданно из бездны памяти всплыла молитва из псалма, которую в детстве вслух читала бабушка. Никогда прежде Ольга не пыталась ее запомнить или специально выучить,

но сейчас молитва сама собой звучала в голове. «Господь Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...»

Сознание медленно уплывало все дальше и глубже в тишину и покой, и Ольга даже не заметила, в какой момент провалилась в непроницаемую бездну, куда звуки снаружи не проникали. Перестав ощущать свое физическое состояние, тело растворилось, ментальный поток остановился, и сознание утратило идентичность. Превратившись в пустоту, оно очутилось в месте, которому не находилось определения. Одновременно с мыслью исчезли все понятия и термины вещественного мира, и осталось только одно – абсолютное знание, что она находится в самом начале, где еще ничего нет.

Это было великое первоначальное абсолютно не проникаемое НИЧТО – колыбель всего сущего, где отсутствовали всякая форма или идея. Смерть в сравнении с этим «ничто» казалась бразильским карнавалом, полным красок и драматизма. Достигнув абсолютного безмолвия разума, теперь она знала, как можно сознать «ничто», не прибегая к помощи образов или слов. Слова здесь выглядели ничего не выражающей бессмыслицей. Описать эту реальность не хватило бы всех определений и терминов, придуманных когда-либо человечеством, потому что не существовало сознания, способного вместить ее.

Внезапно она как будто услышала, хотя слышать не могла, что-то, пронзившее это всепоглощающее тотальное «ничто». Вибрирующий на запредельной высоте божественный горный звук разорвал лежащую за пределами постижения эту великую метакосмическую Пустоту. Только что не было ничего, а в следующее мгновение она вдруг оказалась зрителем великолепной пляски атомов и фотонов, творящих в замысловатом вихре танца звезды и галактики. К ее огромному удивлению и восторгу, перед глазами начала разворачиваться потрясающая картина игры материи и энергии. Это был мир предельно насыщенных красок и ежесекундно меняющихся волнообразных форм.

Теперь она вновь ощутила свое тело, сквозь которое с дрожью проносились пульсирующие вибрации. Выбрасывая потоки света, сплетенные языки протуберанцев вихрями взлетали с поверхностей звезд, а сгустки протопланетных пылевых облаков, уплотняясь, обретали форму и творили твердь. Невероятной красоты хвосты туманностей закручивались в спиралевидные галактики, а те уже следом, словно по заданной программе, строили кластеры немислимых размеров. Вытягиваясь в логические нити, они были так удивительно похожи на нейронную сеть огромного мыслящего мозга. Перед ее внутренним взором миллионы лет мелькали словно секунды, и она понимала, что стоит у истока самой великой из всех существующих тайн: сотворение Вселенной.

Это был другой беспрецедентный уровень реальности, ранее доступный только озаренному разуму великих духовных учителей, из которого рождались все объекты видимого мира. Расширившееся до немислимых размеров сознание охватывало всю полноту жизни во всех ее аспектах и проявлениях. Ольга увидела начало всех биохимических процессов и возникновение жизни в первой клетке на только что родившейся Земле. Обретая чувство космического всеединства, ее трансформированное сознание растекалось, словно для него не существовало никаких пределов. Охватывало всю полноту жизни на планете, где окружающий мир представлялся местом невыразимого сияния и красоты. Утратившее границы своего эго сознание могло возникнуть во внутреннем пространстве всякой песчинки, растения или насекомого и постигнуть – все существующее в природе осознает себя. Отожествляя себя с любой проявленной в материи формой, теперь расширенное сознание знало, что означает быть камнем, животным или листком дерева.

Ольгу восхитило полное гармонии внутреннее совершенство растений. Преобразуя энергию света и являясь пищей для других организмов, они не убивали себе подобных. Не совершая

ни дурных, ни хороших поступков, растения излучают вокруг ясное и спокойное сияние. Без труда и аскезы изначально обладают сознанием Будды. Недеяние – идеал, к которому стремятся адепты мистических школ, достигается ими без всяких усилий. "Не действуй, и все вещи произойдут сами собой".

В какой-то момент Ольга поняла, что воспринимает окружающий мир планеты как-то по-иному. Не так, как это делает человек. Описать в банальных терминах ее новое видение было невозможно. Что-то неувлимо иное появилось в привычном человеческом восприятии. Единственная ассоциация возникала, глядя на эту переполненную тропическим буйством картину, – планета Пандора из камероновского «Аватара». И было непонятно – Земля ли это юрского периода или какая-то другая обитаемая планета? Невероятно огромные стрекозы кружили в воздухе. Цветы величиной с суповую тарелку на деревьях, похожих на магнолии, источали умопомрачительный аромат, а заросли древовидных папоротников, в которых пронзительно звенели цикады, подступали к самому краю прозрачной воды.

Нежась под палящими лучами полуденного солнца и прислушиваясь к своим странным, но удивительно приятным ощущениям, Ольга видела себя лежащей на горячем песке берега озера. Испытывая невероятное блаженство, она с удовольствием потянула свое непривычно гибкое тело и, выставив руки вперед, удивленно замерла. Ее неестественно длинные и тонкие пальцы заканчивались острыми, похожими на птичьи коготками. Гладкая, без единого волоска желтовато-зеленого цвета кожа рук была покрыта коричневатыми пятнами. Перевернув ладони, Ольга обнаружила вместо привычных капиллярных линий такие же темные с неровными краями отметины. Предположив, что сейчас увидит хвост, она с любопытством оглянулась через плечо, но его не оказалось. В том месте, где ему полагалось быть, туловище плавно переходило в ноги, похожие на лягушачьи. С таким же, как и на руках, рисунком на коже и загнутыми когтями на пальцах ступней. Строение ее нового тела определенно напоминало человеческое, но по многим признакам все же выглядело как тело рептилии.

Потрясенная Ольга подумала: в какие же немыслимые глубины может уходить ее генетическая память! Или, может быть, в ней внезапно открылась сверхчеловеческая способность проникать в информационное поле коллективного бессознательного? И все увиденное к ней лично отношения не имеет?

Не найдя однозначных ответов, ученый в ее сознании стыдливо отступил, признав свое поражение. Все интеллектуальные достижения двадцатого века – морфогенные поля, теория относительности, голографическая модель Вселенной, психоанализ – меркли на фоне этой феноменальной, внезапно открывшейся перед ней картины бытия. Немного подумав, Ольга решила, что не стоит тратить время и заниматься поиском научного толкования происходящего в эту минуту и все увиденное осмыслит потом. Сейчас она будет просто наслаждаться этим великим актом творения как можно дольше.

Постепенно видение начала зарождения жизни, как будто теряя отчетливость, стало уплывать вдаль, и Ольга вновь погрузилась в темноту, но это не была та прежняя застывшая безжизненная пустота, здесь уже присутствовало движение и время обретало плотность. Ольге показалось, что где-то впереди возникло крошечное светлое пятнышко, которое начало медленно расти и приближаться, постепенно приобретая очертания. В какой-то момент стало понятно, что светящаяся точка – это обыкновенный костер, горящий внутри примитивного очага, на котором висел прокопченный котелок. Разнося вокруг приятный запах трав и грибов, в котле, негромко булькая, кипело содержимое. Ольга сидела рядом с очагом на оленьей шкуре посреди северного чума, и огонь ласково согревал ей ноги. Все, что она видела перед собой – вертикальный шест посреди шалаша, деревянных языческих идолов, шкуры на полу и стенах – выглядело невероятно уютным родным и узнаваемым.

В чуме Ольга была не одна. Рядом, укрытый медвежьей шкурой, лежал человек, который, как ей показалось, находился без сознания. Через всю голову мужчины от макушки до

уха виднелась пугающая открытая рана с рваными краями. Почти синие губы и мертвенно бледная кожа делали его похожим на покойника.

Рядом с очагом в экзотическом одеянии, уставившись на огонь застывшими, будто ничего не видящими глазами, сидел старый тунгус. Неподвижная тишина стояла в воздухе, которую изредка нарушало приятное потрескивание прогорающих веток. Старик поднял глаза, посмотрел на девушку и, кивнув на кипящий котелок, негромко произнес: «Гунарая». Неизвестно откуда, но Ольга поняла, что ей следует делать. Она встала, сняла котелок с огня и начала помешивать содержимое палкой, давая отвару быстрее остыть и настояться. Почему-то она была уверена, что снадобье предназначалось для лежащего рядом покалеченного человека.

Когда отвар достаточно охладился, Ольга разогнала плавающие на его поверхности листочки и зачерпнула напиток деревянной плошкой, которую нашла рядом с очагом. Встав рядом на колени, она осторожно приподняла голову раненого человека. Мужчина тихо застонал и, открыв глаза, слегка улыбнулся ей едва подвижными губами. В его взгляде, полном боли, читалась благодарность. На секунду у Ольги возникло смутное ощущение, что глаза незнакомца ей знакомы. Отмахнувшись от странной мысли, она начала осторожно поить больного отваром, но мужчина был настолько слаб, что не мог сделать даже небольшой глоток, чтобы не расплескать целебный напиток, и он тонкой струйкой стекал по щеке ему на плечо.

Напоив раненого и уложив его обратно на икуру, девушка взглянула на старика. Властным жестом он потребовал отвар и себе. Набрав в плошку остававшуюся на дне жидкость, Ольга протянула ее и старику. Беря напиток из рук девушки, старик нечаянно коснулся ее пальцев. В ту же секунду произошло нечто потрясающее – их взгляды столкнулись, и Ольга увидела все окружающее пространство глазами старого тунгуса. Это соприкосновение было подобно контакту с оголенным проводом. Сохраняя свою идентичность и не отождествляя себя ни со стариком, ни с женщиной, в теле которой она находилась, Ольга существовала в двух ипостасях одновременно. Теперь, когда их сознания слились, это полное парадоксов единство нарушало все известные научные представления, основы логики и здравого смысла. Но сейчас само понятие «здравый смысл» утрачивало всякий смысл.

Она смотрела на лицо девушки, стоящей напротив с протянутой плошкой в руке, на ее изумленные абсолютно черные глаза и удивительно знакомые пухлые губы красиво очерченного рта. Точно такие губы она видела у своей бабушки и еще раньше у прабабушки на еще довоенных, с резным рубчиком по краю, пожелтевших от времени фотографиях. Но главное: она их видела каждый день в зеркале.

Время утратило линейность и стало условностью. Пришедшая мысль поразила: какая же глупость это понятие «стрела времени»! Зачем тащить сквозь него свои кости и плоть, если достаточно лишь одной энергии мысли. Все точки Вселенной обладают мгновенной связью. Время так же многомерно, как и пространство. Все существует одновременно всегда и везде. Это и есть закольцованная вечность. И бессмысленно само понятие «машина времени». Да и не нужна никакая машина, она уже есть внутри ее микрокосма. Каждая ее мысль превосходит скорость свет в миллионы раз. Вот в эту секунду она стоит посреди сибирского чума, невесть в каком веке, а ее физическое тело интенсивно и глубоко дышит, лежа на матрасе на улице Пестеля в двадцать первом столетии. Переживает обе реальности одновременно, и нет в этом никакого парадокса! Сейчас глазами старого шамана она видит мир, полный энергий и духов. Все до последней крошечной песчинки в едином миге было духовным и обладало сознанием. Всякое разделение материи на живую и неживую сейчас выглядело бессмысленно. Живым было все.

В одно мгновение она получила доступ к другому уровню сознания, совершенно отличного от ее собственного, и, поняв это, испытывала благоговение и трепет перед внезапно открывшейся мудростью. Новое приобретенное знание было гораздо более реально, чем все концеп-

ции и стереотипы, которыми живет разум цивилизованного человека в своей насквозь искусственной повседневности. Постигание разумом законов мироздания дает ему возможность управлять ими. Этот многовековой опыт становился источником силы и умения выживать многим поколениям ее предков в самых суровых условиях на протяжении тысячелетий.

Это невероятно насыщенное переживание длилось секунды, но Ольга знала, что вся мудрость вновь обретенного мира останется с ней навсегда. Сейчас она как будто вернулась к чему-то, казалось, навсегда утраченному. И перед ее закрытыми маской глазами начала разворачиваться картина родовой памяти. Все знания старого шамана тонкой струйкой стали перетекать в ее разум.

Ничего не исчезает бесследно. Сейчас на одно мгновение она была допущена в тайную «кладовую», где, скрытая для непосвященных, заархивированная информация лежала на великом сервере Вселенной. Она увидела непрерывную цепочку поколений мужчин и женщин, хранителей сакральных знаний, как оказалось, живших в ней до сих пор. Незнакомые, но абсолютно родные люди смотрели на нее сквозь расплывающуюся мглу веков, и она видела, в какую невероятную даль и глубину уходят корни ее родового древа...

В следующее мгновение ослепившая глаза яркая вспышка заставила Ольгу резко зажмуриться. Рефлекторным движением она попыталась отвернуть голову и защитить лицо ладонями, но руки не подчинились. Подождав несколько секунд, она осторожно приоткрыла веки и, постепенно привыкнув к интенсивному освещению, огляделась вокруг и с изумлением увидела себя лежащей голый на прямоугольной металлической плоскости, напоминающей хирургический стол. Запястья и щиколотки ее потерявших чувствительность широко раздвинутых ног были зафиксированы металлическими кольцами. Небольшой угол обзора позволял определить, что она находится в каком-то просторном помещении, но ни стен, ни потолка, теряющих обозримые пределы в слепящем свете, Ольга не увидела. Идентифицировать окружающие предметы в своем привычном понимании ей тоже не удалось. Ни с чем похожим прежде ей сталкиваться не приходилось. Ольга предположила, что это, скорее всего, какая-то научная или медицинская лаборатория. Но тогда что она здесь делает?

Неожиданно, заслонив яркий свет, над девушкой склонился высокий, более двух метров, молодой мужчина. С первого же взгляда он показался Ольге немного странным, но что именно в нем было необычного, понять сразу она не смогла. Наверное, он выглядел чересчур идеально для реального человека. Густые белокурые волосы обрамляли красивое лицо, а серебристый, плотно облегающий комбинезон эффектно подчеркивал его великолепно сложенную фигуру. Светло-серые глаза незнакомца смотрели на Ольгу доброжелательно, но немного отстраненно. Это успокаивало. Раньше ей не приходилось встречать людей с подобной совершенной внешностью.

В следующую секунду с противоположной стороны появился другой, еще более высокий человек – немного постарше, но с такими же безупречными классическими чертами лица. Какое-то время они стояли и, не произнося ни слова, пристально смотрели на Ольгу. Прервав молчание, старший по возрасту человек повернулся и обратился к кому-то у себя за спиной. Видимо, на его зов, держа в руках небольшой непонятного назначения предмет, к столу подошел совсем молодой юноша. Его пепельные волосы на затылке доходили почти до плеч, а идеальный прямой нос и огромные в пол-лица голубые глаза делали юношу похожим на библейского херувима. «Наверное, какой-нибудь лаборант», – решила Ольга.

Переговорив между собой на странном невучем языке, не похожим на слух ни на один из знакомых, мужчины отошли немного в сторону, а оставшийся рядом мальчик на вытянутой руке поднес прибор к голове Ольги. Она понимала, что с ней собираются проводить какие-то манипуляции, но с удивлением отметила свое неестественное для столь экстремальной ситуации спокойствие. Видимо, это стало следствием применения каких-либо транквилизаторов, блокирующих страх. Других объяснений не нашлось.

По мере прохождения вдоль тела прибор поочередно менял свой цвет от насыщенного темно-красного до ослепительного ярко-белого. Результаты сканирования исследователей, видимо, удовлетворили, и Ольга почувствовала, как плоскость, на которой она лежала, слегка приподнявшись, наклонилась, и ее зафиксированные ступни оказались немного выше головы. Откуда-то сверху, издавая жужжащий металлический звук, опустился довольно длинный и гибкий зонд с прозрачной капсулой на конце и начал постепенно погружаться между ног внутрь ее тела. Ни боли, ни страха Ольга не испытывала, было только унижительное чувство беспомощности. Проникнув, насколько возможно глубоко в промежность, зонд прекратил поступательное движение, и Ольга ощутила резкий толчок. Густая теплая жидкость вышла из капсулы, после чего щупальце манипулятора вышло из ее тела и отъехало от стола.

Подождав несколько минут, молодой человек еще раз повторил сканирование. Теперь в световых лучах, генерируемых прибором, преобладали цвета холодного спектра: от бледно-голубого до интенсивно-фиолетового. Все участники эксперимента, видимо, довольные результатом, отошли в сторону, и Ольга осталась лежать одна.

Довольно быстро онемение стало проходить, и вскоре возможность двигаться вернулась к ее конечностям. Стол обратно принял горизонтальное положение, фиксаторы на запястьях и голенях автоматически разомкнулись, и она смогла приподняться.

Встав на идеально гладкую поверхность пола, Ольга почувствовала, как по внутренней стороне бедер неприятно потекла липкая маслянистая жидкость с сильным органическим запахом. Она опустила глаза и с изумлением увидела свои короткие, немного кривые и поросшие черным волосом ноги. Но еще больше ее поразили заскорузлые, с потрескавшимися пятками ступни. В растерянности она подняла руки, но вместо привычного маникюра увидела темную полоску грязи под обгрызенными ногтями. Толстые пальцы с заусенцами и загрубевшие мозоли на ладонях выглядели ужасно. Это были не ее руки.

В этот момент сбоку от нее неожиданно открылся высокий узкий люк, за пределами которого виднелся привычный земной пейзаж и кусочек голубого неба с плывущими по нему облаками. Ольге, очевидно, давали понять, что она может беспрепятственно уйти. Не желая далее испытывать судьбу, она быстро направилась к проему, и в ту же секунду, увидев на зеркальной поверхности стены свое отражение, замерла, пережив настоящий шок.

Перед ней стояла маленькая, не более полутора метров роста, сутулая женщина. Изпод низких и тяжелых надбровных дуг на Ольгу испуганно смотрели ее крошечные, глубоко посаженные глазки. Ноздри курносого носа были некрасиво вывернуты наружу, а тяжелая нижняя челюсть и короткая верхняя губа, не прикрывающая длинные желтые зубы, делали лицо примитивным и грубым. Это не было лицо обезьяны, скорее недочеловека, чье уродство выглядело особенно удручающе на фоне красоты совершенных, как боги, присутствующих здесь людей.

Но вдруг непонятно откуда пришедшее знание, что она уже была здесь когда-то и это все видела, как вспышка в одно мгновение озарило самые древние глубины ее памяти. Сейчас ей даже показалось странным, как она могла забыть столь грандиозное по масштабу событие своей жизни. Она стояла и, глядя на свое отражение, четко знала: сейчас происходит нечто настолько важное, что это станет определять ее будущее на многие тысячелетия вперед. И не только ее. Именно здесь, в эту секунду, в теле этой уродливой самки зарождается кармическое переплетение всех дальнейших событий и пробуждаются процессы, которые будут творить историю и определять дальнейшую судьбу человечества.

Ольга ощутила себя праматерью всех живущих не земле людей. Теперь она знала, что в немыслимых глубинах ее психики живет человек, возраст которого исчисляется миллионами лет. От осознания значимости только что произошедшего события, от чувства колоссального свершения и триумфа ее колотило мелкой нервной дрожью. Но она понимала, что, выполнив свою миссию, ей пора уходить.

Подойдя к краю люка, Ольга почувствовала легкий толчок и, опрокинувшись навзничь, скатилась вниз по трапу. Оказавшись на земле, она быстро подскочила на ноги и оглянулась. Огромный, сверкающий в виде диска объект зависал над землей. В открытом проеме Ольга увидела того молоденького мальчика, который только что проводил над ней опыты, он улыбнулся и кинул сверху большое красное яблоко. Люк закрылся, и объект бесшумно приподнялся, неподвижно повисел над землей несколько секунд, после чего исчез. Он не переместился в пространстве, просто исчез, как будто растаял или ушел в другое измерение.

Ольга подняла яблоко с земли и, не зная, как поступить дальше, надкусила его. Распространяя вкусный аромат, сладкий сок брызнул из-под кожуры и потек по подбородку. В этот момент кусты за ее спиной зашевелились, и большой, дурно пахнущий самец вылез на поляну. По испуганному выражению его глаз Ольга поняла, что он все видел и теперь находится в замешательстве. Видимо, между ним и женщиной существовала какая-то связь, раз он так терпеливо дожидался ее возвращения. По характерным признакам мужская особь принадлежала к тому же виду гоминида, что и существо, в теле которой находилась Ольга. Осторожно приблизившись, самец, вероятно, учуяв посторонний запах, начал нервно морщиться, выказывая явное беспокойство. Присев на корточки, он сунул между ног самки свой короткий нос и принялся, шумно сопя, втягивать широкими ноздрями воздух. Запах ему не понравился, и резко встав, он бесцеремонно вырвал яблоко из рук Ольги и с силой ее толкнул. Не удержавшись на ногах, самка упала и, ударившись головой об землю, мгновенно потеряла сознание...

Очнувшись, Ольга обнаружила, что стоит на смотровой площадке просторного зала с высоким потолком. Передней стены не было. Вместо нее висевшая в воздухе огромная голограмма без каких-либо помех идеально отражала черную глубину пространства, в котором сияли мириады звезд. Эта завораживающая объемная картина создавала достоверную и одновременно пугающую иллюзию, что прямо отсюда, из зала, открывается выход в холодную бездну космоса. Мерцающая на фоне звездного неба, огромная, почти в пол-экрана, нежно голубая Земля разливалась вокруг себя мягкий свет.

То, что это Земля, сомнений не возникало. Огромные расстояния между континентами были заполнены синей гладью океанов. Шапки белоснежного с рваными краями льда толстым слоем разлеглись на полюсах. А плотные облака, похожие на широкие и резкие мазки, нанесенные взмахом чьей-то гигантской руки, скрывали под собой в разных местах поверхность планеты.

Ольга с удивлением смотрела на экран и понимала, что не узнает контуров материков. Это были совершенно иные, не знакомые ей прежде очертания. Совсем не те, к которым она привыкла, глядя на карту или глобус, и в следующую секунду во внезапном озарении поняла – она видит какую-то другую Землю. Скорее всего, очень юную, существовавшую сотни тысяч лет назад. Но от этого ни чуть не менее близкую.

Ольга огляделась. Стоявшие рядом люди, среди которых почему-то не было женщин, смотрели на излучающую живой голубоватый цвет Землю и не обращали на нее никакого внимания. По их ликующему виду можно было предположить, что сейчас произошло нечто очень важное, и теперь они с восторгом переживают радостный момент. Видимо, нашли то, что долго искали.

Стараясь не привлекать внимания, девушка медленно отстранилась от группы увлеченной изображением на экране, и подошла к блестящей глянцевой стене. Она знала, что сейчас увидит на зеркальной поверхности обличовки свое отражение. Так оно и произошло. Но только теперь вместо маленькой уродливой самки гоминида на глянцевой стене отражался высокий, невероятной красоты молодой мужчина в обтягивающем серебристом комбинезоне. Густые белокурые волосы удивительно гармонично сливались по цвету с его большими светло-серыми глазами, а идеально ровная, как мрамор, кожа, казалось, никогда не видела солнца. Но не эти безупречные черты поразили Ольгу. Она не могла оторвать взгляда от знакомых

очертаний пухлых губ прекрасного незнакомца, глядящего на нее сквозь многовековую толщу времени. С невероятной ясностью Ольга вдруг осознала: то, что сейчас происходит – было ей предначертано. Все предыдущие события жизни подготавливали ее к этому моменту. Среди множества разных путей она бессознательно выбирала только те, которые вели сюда...

Но вскоре, словно экран старого телевизора, картина перед глазами стала медленно покрываться рябью, как будто кто-то нарочно бросил камень в застывшую гладь пруда. Изображение становилось все более зыбким, контрасты светотени смягчались, и, постепенно теряя насыщенность, видение начало расплываться и уходить вдаль. Неуправляемая сила потянула Ольгу обратно в водоворот временного тоннеля, и через пару мгновений, вновь ощутив себя эмбрионом, она оказалась в исходной точке своего невероятного путешествия.

Но теперь все кругом изменилось до неузнаваемости. Лоно, которое прежде заботливо укрывало ее от враждебности внешнего мира, больше не выглядело как самое лучшее и безопасное место на земле. Тот первородный бульон – околородная жидкость – неожиданно оказался пропитан отвратительным вкусом гниения и тлена. Прозрачный теплый океан блаженства и покоя, который омывал ее чистыми водами, теперь превратился в гнойную сточную яму. Сейчас здесь все нестерпимо воняло смертью. От мерзкого вкуса протухшей крови во рту и запаха разложившейся мочи Ольгу чуть не вырвало.

Гнетущее и пугающее состояние тяжести, похожее на то, которое наваливается на человека перед грозой, сдавило ее изнутри. Каждой клеткой своего зажатого, словно в тисках, тела она физически ощущала приближающуюся опасность. Как будто стены пыточной камеры, утыканные гвоздями, всей своей многотонной тяжестью медленно и неотвратимо напозлали на нее. Какофония тошнотворных звуков, похожих на скрежет металла по стеклу, болезненно царапала мозг. Затыкать уши в надежде прекратить это издевательство, было бессмысленно. Многократно ударяясь о стенки черепа, источник звуков прерывисто пульсировал внутри ее головы. С абсолютной ясностью Ольга понимала – это угроза ее жизни, и если сейчас она не найдет выхода из этой ловушки, то умрет. Наверное, что-то подобное испытывает человек, неожиданно очнувшись от летаргии в гробу.

От ужаса перед реальностью смерти ее сердце неистово колотилось, как пойманная в силки птица, потом внезапно замирало, и Ольга со страхом ждала, забьется ли оно вновь. Окрашенные злоецими багровыми тонами образы – порождение извращенного воображения Эдгара По – всплывали из глубин памяти один за другим. Дрожь, обильный липкий пот, отдышка и головокружение – все симптомы паники проявили себя в предельной форме. Оставалось только одно единственное желание, как можно быстрее выползти из клетки этого глубоко погребенного подземелья, откуда ее так жестоко изгоняли и где ее больше не хотели и не любили.

Теперь она с абсолютной ясностью осознавала: рождение и смерть – это есть суть одно и то же. Змея, пожирающая свой хвост. Рождаясь в агонии, человек умирает, а умерев, в агонии рождается. Кармическая замкнутость и вечное колесо Сансары, из которого нет выхода и нет возможности выпрыгнуть или хотя бы на мгновение замедлить его неумолимые фатальные обороты.

Перевернувшись на бок, Ольга скатилась с матраса и, напрягаясь до боли в мышцах всем телом, поползла по холодному полу. Из-за маски на лице она не ориентировалась и не видела направления своего движения. Разум больше не действовал, только инстинкт животного страха упорно толкал ее вперед. Проползя какое-то расстояние, она уткнулась головой в плитку.

«Свидетель», наблюдая и анализируя, определил все происходящее как этап прохождения по родовому каналу и предположил, что скоро все должно закончиться. Но в следующее мгновение произошло то, что поколебало его холодную уверенность в понимании происходящего процесса. Сначала это выглядело как спазм в кишечнике или судорога косых мышц

живота. Но боль не проходила, а наоборот, скорее даже усиливалась, и Ольга с изумлением поняла, что рождает. Это вызвало диссонанс: прежде она не только никогда не рожала, но и ни разу не была беременна. И знать особенности этого физиологического процесса она уж точно не могла. Разве что теоретически. Но самым странным оказалось то, что она не переставала ощущать себя плодом. Одновременно испытывала страдания сдавленного в чреве ребенка и невыносимые боли схваток матери. Как это могло происходить одновременно, ни объяснить, ни понять было невозможно. Но происходящее выглядело абсолютно реальным. Невольно причиняя друг другу мучения, обе ее ипостаси становились палачом и жертвой в одно и то же время.

Больше Ольга себя не контролировала. Истошный вопль, вырвавшийся из горла, на слух неожиданно оказался сдавленным и приглушенным хрипом.

Рвавшиеся наружу голосу мешала густая пробка из слизи забившая пазухи носа и горла. Напрягая мышцы гортани и всасывая носом воздух, Ольга пыталась втянуть в себя и проглотить липкий ком, но он стоял поперек носоглотки, не давая сделать вдох. От недостатка воздуха появилась реальная угроза потери сознания. Утрата контроля над ситуацией означала неминуемую смерть.

Собрав последние силы, она попыталась кашлем вытолкнуть отвратительную слизь из носоглотки, но и это усилие ни к чему не привело. И Ольга поняла, что умирает. Если сейчас же она не найдет в себе силы за гранью возможного и не вырвется отсюда – это последние секунды ее жизни.

Звериный инстинкт теперь гнал ее вперед в поиске выхода. Требуя мгновенной реакции и абсолютного подчинения, он бесцеремонно и грубо подавлял разум, задающего в эту критическую секунду глупые и неуместные вопросы: а есть ли он? В миг предельной опасности исчезает все: сомнения, стыд, мораль, совесть – все, чем так гордится гомо сапиенс. В минуту истинной угрозы смерти, подчиняясь только рефлексам, человек – венец природы – мало чем отличается от животного.

Руки Ольги с крепко сжатыми кулаками были плотно прижаты к груди, и только напряженные мышцы ног совершали пружинистые движения, помогая ей выскользнуть из кошмара смертельного капкана. Не анализируя и не задавая бессмысленных вопросов, куда и зачем, Ольга энергично ползла, пока внезапно не уткнулась в чьи-то ноги. Это были ноги Алексея. И в ту же секунду она поняла, что спасена. Алексей присел рядом на корточки, и Ольга ощутила, как он осторожно, но сильно сжал коленями ее голову, потом обхватив одной рукой за спину, а другой, подложив ладонь ей на живот, начал бережно помогать выползать из тисков. И вот еще одно последнее усилие...

Взрыв освобожденной энергии опрокинул и смел разум. Запредельное чувство счастья в одно мгновение взлетевшего до вершин экстаза лавиной обрушилось на нее. Липкий ком слизи внезапно легко проскочил в пищевод, и Ольга, нет, не закричала – она заорала во все горло. Это был победный клич, в котором неистово клокотала священная ярость берсерка. На мгновение она увидела себя диким лохматым воином, стоящим посреди жестокой битвы с оторванной головой в высоко поднятой руке. Он только что в клочья разорвал своего врага и в оглушающем реве сечи приносил эту ввергающую в трепет жертву великому и безжалостному богу Одину. Восторг триумфа сотрясал разрисованное древними рунами его голое тело, едва прикрытое окровавленной медвежьей шкурой вместо доспехов. Наводя ужас на врагов, свирепый животный рык вырывался из его горла...

Сняв маску с лица девушки, стоящий рядом на коленях Алексей вытирал платком ее рот, глаза и нос. По мгновенно расслабленному телу, пробивая блоки и сметая преграды, свободно текли потоки блаженства. Смеясь, она фыркала, чихала и сморкалась, как маленький ребенок и переживала невообразимое чувство освобождения и счастья. Никто и никогда теперь не сможет у нее отнять или оспорить эту победу. Она выжила и родилась.

Обтерев лицо, Алексей плотно спеленал «новорожденную» в старое с обтрепанными уголками одеяло и оставил лежать на полу. Звучащая из динамиков стереосистемы красивая музыка мягко гасила эмоции и приятно расслабляла тело. Видимо, в одной из дальних комнат осталось не выключенным электричество, и теперь узкая щель под закрытой дверью тонкой полоской таинственно светилась в темноте. Рядом на полу с перекрестьем перекладин, похожая на огромный солнечный зайчик, лежала искривленная тень от оконного проема. Ольга видела, как за стеклом не зашторенного окна в сумраке позднего вечера почти неподвижно висящие хлопья снега рождали волшебное чувство исчезновения времени. Что-то похожее она испытывала, когда после долгого отсутствия наконец возвращалась домой. Облегчение, защищенность и успокоение.

3

Долго разглядывая под толстым слоем растрескавшейся краски потолочную розетку, она думала: может, не надо ничего никому рассказывать? Разве можно кому-то объяснить, что ждала сегодняшней день всю свою предыдущую жизнь. Словно бы внезапно развязался скрытый во времени кармический узел, и все тайно вызревавшее веками вдруг наконец прорвалось и стало явным. Все произошедшее с ней сейчас выглядело настолько невероятно, что вряд ли она найдет адекватные слова для описания всего открывшегося ей сегодня. Ей и самой пока трудно осмыслить все это и уж тем более объяснить кому-то.

Алексей убавил громкость и включил стоящий на подоконнике маленький ночник. Свет мгновенно разрушил мистическую картину, и следом бодрый голос ситтера произнес:

– С добрым утром, господа путешественники. Пора возвращаться. Чайник уже вскипел. Вставайте не спеша и подчаливайте к столу. Буду рад, если кто захочет поделиться впечатлениями.

Ольга приподнялась на локтях и огляделась. Другие участники семинара тоже медленно вставали. Было заметно, что общаться никто особо не расположен. Ольга, впрочем, тоже. Минут через десять вся небольшая группа уже сидела за столом и, уткнувшись взглядом в свои чашки, молчала. Зная, что сейчас придется говорить, каждый мысленно пытался сформулировать и перевести в вербальную форму свои чувства. Но повседневность языка выглядела слишком убогой, чтобы передать всю полноту только что пережитого. Бесплезно ставить вопросы, когда ответы лежат далеко за пределами обыденного.

Подождав пару минут, Алексей поставил посередине стола включенный диктофон и, пытаясь разрядить возникшее за столом небольшое напряжение, весело пояснил:

– Это для моей будущей диссертации. С кого начнем? Кто здесь самый смелый?

Все молчали.

– Ну, вижу, добровольцев пока нет. Может, тогда начнем с самого молодого участника? Вы не против? – обратился он к Ольге.

Сидящие за столом разом все оживились и радостно закивали. Поняв, что отвертеться от «счастья» начинать первой не удастся, Ольга после слегка затянувшейся паузы нехотя выдавила:

– Извините, не знаю с чего начать. Видимо еще не окончательно вернулась...

Испытывая неловкость за то, что исключительно из вежливости ей сейчас придется вымучивать из себя какие-нибудь банальности, Ольга старательно подбирала слова. Потом, как будто что-то преодолев, продолжила уже более уверенно:

– Надо признать, что сегодня мой рассудок повергся испытанию большему, чем когда-либо прежде. Но некоторое противоречие я в себе все же обнаружила. С одной стороны, я не могу отвергать свой личный опыт, но как ученый обязана допускать и вариант самообмана вследствие интоксикации мозга. Потому что многое из сегодня пережитого, мягко скажем, не слишком совместимо со здравым смыслом...

По слегка разочарованному взгляду Алексея можно было заметить, что он ожидал от не несколько другого ответа.

– Но в то же время и не могу отрицать, что сейчас произошло нечто, не позволяющее мне вернуться к прежнему состоянию разума. Если честно, я уже давно искала повод пересмотреть некоторые свои устоявшиеся взгляды. Мне всегда казалось, что мое понимание окружающего мира несколько поверхностно, фрагментарно и, может быть, даже ошибочно. Но, несмотря на это, мне все равно потребовались определенные усилия, чтобы из страха потери репутации трусливо не отвергнуть подлинность полученного опыта. Я понимаю, что говорю несколько сумбурно, но объяснить по-другому не умею.

– Слава тебе господи! А то я уже грешным делом подумал: не завелся ли у нас тут Фома-неверующий наоборот – «не верую, ибо лицезрю». Но, Ольга, извините, хотелось бы все-таки подробностей.

«Ничего себе вопросик!» – подумала она. В голосе ситтера Ольга уловила едва заметное раздражение. Видимо, он ожидал от нее большего. Но как описать все пережитое, она плохо представляла.

– Даже не знаю... Там много чего было... Как ни удивительно для первого сеанса, но сегодня мне удалось довольно быстро пройти в добиографические области и пережить не только свое внутриутробное состояние, но и регрессию в гораздо более глубокие пласты подсознания. Ну, во-первых: я пережила совершенно потрясающие видения, связанные с предыдущими реинкарнациями. И было еще очень достоверное погружение в сознание доисторических животных и растений и даже полное отождествление с ними. Но, пожалуй, самым серьезным испытанием для рассудка стало состояние первоначальной пустоты и сознание универсального разума, пронизывающего всю Вселенную. Или нет, скажем так: пережить саму Вселенную. Увидеть сотворение Земли и всего живого на ней. Это было настолько потрясающе, что абсолютно невозможно выразить словами! Но теперь я знаю – это и есть само истинное существование. И еще я заново прожила и прочувствовала все мучительные стадии физического рождения. Но, пожалуй, из всего пережитого самым удивительным оказалась встреча с существами явно неземного происхождения. Невозможно передать, насколько они были прекрасны и совершенны. Наверное, так выглядят боги или ангелы. Было два видения, связанных с ними. В первом в теле самки гоминида я исполняла роль инкубатора для искусственного оплодотворения, а во втором видении я была одной из них. И мне кажется, именно с этого началась история человечества современного вида...

Группа слушала с неподдельным интересом, но комментировать никто не спешил. По выражению лица ситтера было заметно, что он тоже озадачен.

– Интере-е-есно... – протянул Алексей, он был немного смущен. – Литература, конечно, описывает случаи столь экстремальных манифестаций психики. Но я провожу семинары уже почти два года, поэтому с уверенностью могу сказать – на моей памяти это первый случай, когда кто-либо достигал таких глубин на первой же сессии. Большинство остаются на биографическом и пренатальном уровне довольно долго, и такие мощные порывы если и происходят, то только после многократных сеансов. Да и то далеко не у всех. Но вы, Ольга, видимо, какая-то особенная девушка, раз так легко и невероятно быстро можете проходить в столь архаичные пласты.

Потом, посмотрев на священника, ситтер с лукавой улыбкой спросил:

– Что думаете по этому поводу, отец Анатолий? Не входит ли все это в противоречие со Святым Писанием и концепцией церкви о происхождении человека?

Но похоже, что для священника подобные провокации были делом привычным. С невозмутимым видом он отхлебнул из кружки и ответил довольно спокойно:

– Ничуть. Скорее даже наоборот.

Встав из-за стола и подойдя к своему портфелю, стоящему на полу, отец Анатолий достал книгу, судя по потертости, используемую довольно активно. Надев очки, немного перелистал и, найдя нужную страницу, начал читать хорошо поставленным голосом. Сразу всем стало видно – с риторикой этот человек на ты.

– Вот что пишет по этому поводу книга «Бытие»: Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери; тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемыми человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

По поводу этого места в Завете уже не первое столетие идут дискуссии. Существует много разных версий: кем были сыновья Божии, и почему их потомство от дочерей человеческих стало расой исполинов? Хотя что значит исполинов? Африканскому пигмею европеец ростом метр восемьдесят тоже, наверное, покажется исполином. Все относительно. Но я думаю, что это, как всегда, скорее всего вопрос терминологии и интерпретаций. Люди разных эпох, описывая свой духовный опыт, прибегают к лексике, удобопонятной в их среде. Так что, дочь моя, ваш опыт не противоречит никаким взглядам на происхождение человека в частности да и Вселенной в целом тоже. Но и ничего не подтверждает. Ибо, выражаясь вашим словообозначением, должен допускаться и вариант самообмана вследствие интоксикации мозга.

Вступить в полемику со священником Ольге не хотелось, но элементарная вежливость требовала поддержать дискуссию:

– Отец Анатолий, сегодня я и сама, конечно же, увидела свою привязанность к логическому мышлению. Любой рациональный ум обладает инстинктом самосохранения, но все-таки согласитесь – этот инстинкт может также превратить разум и в тюрьму. Мне показалось, или вы действительно хотели сказать, что все произошедшее со мной – пустое и лишено какой-либо ценности?

– Ну, я бы не был столь категоричен. Но, как священник, знаю, что у дьявола много имен и обличий и не меньше способов прельщать и увлекать неокрепший в вере разум в свои порочные игры. В процессе постижения мира нужно отличать сам опыт от его содержания. Согласитесь, что это не одно и то же? Существуют два способа изучения – субъективный и объективный. К субъективному относятся случаи мысленного, то есть воображаемого познания. Как раз ваш случай. Объективный же способ – это набор средств и методов, с помощью которых можно подтвердить или опровергнуть полученный опыт. Если вы можете это сделать, а в данном случае вы не сможете, то тогда к информации, полученной таким методом, можно относиться как к достойной доверия. В этом вопросе церковь с наукой противоречий не имеет. В ином случае – ваш опыт может оказаться и бесовским порождением отравленного наркотиком сознания. А снижение уровня углекислоты в мозге можно считать таким же наркотиком, как гашиш, опиаты или, прости Господи, лизергиновую кислоту, кои все к объективному методу познания отнести никак нельзя.

Подпрыгнув на стуле в предвкушении удовольствия от наметившегося диспута, плешивый поэт-философ моментально встрял в разговор:

– Позвольте вставить свои пять копеек. А разве церковь отвергает мистический опыт своих святых? Или не практикует всевозможные дурмящие голову благовония во время своих церемоний? Они ведь тоже влияют на психоэмоциональное состояние прихожан. Во всех религиях древнего происхождения применялись всевозможные наркотические вещества. Разве не так?

– Вы считаете, что православная церковь должна нести ответственность за любое применение алкалоидов начиная с элевсинских мистерий и до мухоморных камланий?

– Конечно нет. Но мне кажется, вы, отец Анатолий, все-таки неправы в оценке измененных состояний сознания. Нельзя опровергать факт, что они способствуют новому способу мышления и расширяют представления о реальности. Психоделики, например, вызывают трансцендентные состояния, не отличимые от религиозных мистических откровений. Или вы считаете, что только у церкви есть монополия на это? Тогда с какой стати вы здесь сами оказались?

– Мне можно. Я в вере крепок. Как человек прогрессивный и современный, я обязан исследовать новые способы восприятия у нынешних людей. Разнообразие их верований и заблуждений в том числе. Для православного мистицизма всегда было характерно осторожное отношение ко всяческим визионерским практикам и к так называемому псевдо-виденью, именуемому нашими святыми отцами «прелестью». И уж поверьте, они-то ведали, чего стоит

опасаться. Этим православная церковь кардинально отличается от Римской и решительно предостерегает от того, что католицизм да и прочий оккультизм иже с ним настоятельно рекомендуют своим adeptам. Кстати, широко известная книга² Игнатия Лойолы есть суть не что иное, как практическое руководство по созданию у верующего галлюцинаций на религиозную тему.

Лысый философ слегка скопил на Ольгу многозначительный взгляд и, в надежде произвести на нее впечатление, тут же парировал:

– Христианство, как и любая другая эгригорияльная религия, дает колоссальную защиту своему adeptу, но требует от него беспрекословного абсолютного подчинения. Что возможно только при невысоком интеллектуальном уровне. Просвещенный человек приходит к Богу своими, не всегда религиозными путями. В том числе и через мистический опыт других культур. А придя, больше уже не конфликтует с религией. Причем – ни с какой.

– После воцарения в мире постмодернизма, говоря по-простому – всеобщего вранья, теперь это все называют политкорректностью. – Отец Анатолий едва скрывал ироничную улыбку в густой черной бороде. – Но я также знаю, нет ничего убийственнее для истины, чем политкорректность. В сусальной патоке красивой формы она способна утопить любую, даже неоспоримую правду. Идеалы всегда в конфликте с физической реальностью. Но как только вы провозглашаете неважность религиозных различий, форточка в окне Овертона³ тут же слегка приоткрывается, и граница между черным и белым, добром и злом становится размытой и неясной.

Обстановка за столом мгновенно оживилась. Художница, явно недовольная направлением спора, запальчиво вмешалась в дискуссию:

– Ну уж простите. А вот мне так лично глубоко по барабану до всей этой философии об объективности или субъективности или до этих... как их там – окон. Я знаю только одно – после каждого сеанса холотропа, а я уже прохожу его в третий раз, у меня происходит всплеск творческой энергии. И какая разница, какими средствами я достигаю этого, если в результате весь мир для меня превращается в поток абстрактных образов в самых немыслимых цветовых сочетаниях. Куда более насыщенных и ярких, чем прежде. И разве это не объективно? Я же реально вижу, как мои картины превращаются в полный символический калейдоскопический спектакль. Я даже начинаю ощущать движение запахов в красках и слышать звук в цвете. Да ради таких образов и необычных новых форм любой художник готов применять и куда менее безобидные средства. И мне по большому счету нет дела до моральных аспектов источника этого творческого прорыва. Для меня главное, что он есть.

Но опытного теолога, поднаторевшего на дискуссионных полях схоластики, вывести из себя было трудно.

– Ну и много ли людей понимают ваше, так сказать, калейдоскопическое творчество? Уверен, что нет. На мой взгляд, так это всего лишь поток субъективного сознания, не обладающего критерием ценности. Это когда вы, так сказать, художники, вываливаете на зрителей груды хлама из ближайшей помойки и называете мудреным словом «инсталляция». Простите, конечно, что так говорю. Но формы искусства должны быть понятны большинству. Вы же хотите нас убедить, что образы, порожденные отравленным мозгом, а в иных случаях, не примите на свой счет, и больным, и есть само искусство. К тому же элитарное, а кто не воспринимает живописаний ваших галлюцинаций – бездарь, которого можно только пожалеть. Или я ошибаюсь? Если не прав – убедите в обратном.

² Книга Игнатия Лойолы «Духовные упражнения» («Exercitia Spiritualia») – курс упражнений и правил, необходимых каждому иезуиту. Книга представляет собою практическое руководство по молитве в сочетании с самоиспытанием, а так же воображаемого беседования с Богом и святыми.

³ Окна Овертона: теория названа в честь автора – Джозефа Овертона. Политическая теория, которая описывает допустимые границы идей, которые можно считать приемлемыми в текущем состоянии общественного мнения.

– С какой стати мне кого-то убеждать? – обиженно поджав губу с пирсингом, ответила художница. Она явно пасовала перед аргументацией опытного богослова. – Мои картины ничего не имитируют, поэтому ничего никому и не навязывают. В них нет идей – есть только состояния. Слушая музыку без слов, вы же не требуете от автора конкретики, а просто позволяете своим чувствам следовать за ассоциациями. В моих картинах то же самое. Я думаю, что человек должен выбирать сам, какие иметь отношения с Богом. И чем он умнее и образованнее, тем эти отношения сложнее.

Атмосфера явно накалялась. Желая поддержать подружку, приятель художницы промолчать, естественно, не мог:

– А я вот, зайка, абсолютно с тобой согласен. Я тоже после каждой сессии начинаю видеть музыку и даже чувствовать ее на вкус. Хотя на хлеб намазывай, насколько она становится для меня объемной и материально насыщенной. Я чувствую в себе изменения, и мне нет дела, субъективно это или объективно. Главное – согласитесь, результат.

Дебаты набирали силу, народ кипятился. Но Ольга, молча наблюдая за спорщиками, отчетливо понимала – с ней явно что-то не так. Считая себя человеком умным и весьма образованным, она не была лишена интеллектуального тщеславия и раньше не упустила бы шанса продемонстрировать оное. Но сейчас неожиданно для себя она чувствовала – как же ей безразлично все происходящее! Полемизировать и отстаивать свою точку зрения желания не было. Совсем. Да и что было отстаивать? Свое смутное подозрение, что осязаемая реальность – всего лишь иллюзия? Но разве она сама уверена в чем-либо? Какой пустой и ничего не значащий абсурд весь этот спор! Разве есть слова, способные передать все многообразие того мира, в котором она побывала только что? Нет никакого смысла описывать вкус и свойства яблока, если есть возможность просто его съесть, а не рассуждать о цвете или запахе. Она съела. И все остальное перестало иметь значение.

Ольга встала и, не привлекая внимания, незаметно вышла в коридор. Быстро надела сапоги, сняла с вешалки дубленку и, стараясь сделать это как можно тише, выскользнула за дверь...

Множественно просыпаясь от пугающих и полных странной фантазмагории снов, в ту ночь она спала плохо. Отчетливо помнила, что кто-то с длинными седыми волосами, показывая рукой в сторону восхода солнца, куда-то звал ее. Ей было страшно, она упиралась и не хотела идти. Но этот необычно выглядевший человек хватал ее за руку и тащил за собой, а она вырывалась и пыталась убежать.

А утром весь мир показался серым и мрачным. Вставать с постели в тот день ей почему-то не захотелось. Вечером на второй сеанс она не поехала. Чтобы Алексей не дозвонился, отключила телефон, потому что уже точно знала – на третий она тоже не пойдет. С этого дня Ольга заболела, а чем – непонятно.

4

Ольга сглотнула слюну и постаралась выровнять давление в заложенных ушах. По изменившемуся гулу мотора и едва заметной тяжести она поняла, что самолет начал постепенно терять высоту и переходить на нижний эшелон полета. Через короткое время лайнер пробил верхний слой облачности, солнце исчезло, и непроницаемая мгла плотно прилипла к иллюминаторам. Это означало – рейс заканчивается и скоро, наконец, появится возможность расслабиться и вытянуть затекшие ноги. Сидя в хвосте самолета, Ольга наблюдала, как впереди уставшие за многочасовой перелет пассажиры радостно оживились и начали более громко переговариваться между собой. Команды пристегнуть ремни еще пока не было, но она машинально взяла их в руки и попыталась сомкнуть.

«Не делай этого!»

Ольга вздрогнула и с удивлением взглянула на немолодого мужчину сидящего справа от себя. Те несколько часов, которые они летели рядом, к ее великой радости, он ни разу не попытался с ней заговорить. Мужчина спокойно читал газету и не проявлял никакого интереса.

– Вы что-то сказали? – спросила она растерянно. Мужчина удивленно поднял глаза и с вежливой улыбкой ответил:

– Да нет, я ничего не говорил.

Почувствовав неловкость, Ольга виновато улыбнулась.

– Наверное, показалось, извините.

– Да ничего страшного. Бывает, – ответил мужчина и любопытством посмотрел на девушку поверх очков.

В этот момент зажглось табло, и голос стюардессы из ретранслятора сообщил, что полет подходит к концу, самолет начинает снижение и просьба ко всем пассажирам пристегнуть ремни. Сидящий рядом попутчик не спеша снял очки, положил в карман кресла напротив свою газету и привычным движением ловко защелкнул ремни. Ольга с опаской посмотрела на замки, лежащие у себя на коленях и после пары секунд колебаний осторожно взяла в их руки.

«Не делай этого!» – повторил тот же голос более властным и резким тоном. Ольга испугано отбросила крепления. Теперь стало совершенно ясно, что звук исходил со стороны иллюминатора и не мог принадлежать кому-либо из близсидящих пассажиров. Еле сдерживая слезы, теперь она понимала – в довершение ко всем имеющимся проблемам прибавилась еще одна – слуховые галлюцинации.

Лайнер штатно вошел в глиссаду, и возникшие неприятные ощущения в желудке заставили вспомнить про мятный леденец, припасенный еще на взлете. Ольга немного покопалась и достала его из кармана. Развернула бумажку, и в тот момент, когда она уже собралась положить ее содержимое в рот, самолет довольно сильно тряхнуло. Конфета выпала из рук и закатилась под кресло.

«Надо все-таки пристегнуться», – подумала девушка, но следом сразу же почувствовала еще более сильный удар и подпрыгнула в кресле. Впереди раздалась испуганная возгласы, и в следующую секунду произошло то, что показывают в фильмах катастрофах – сверху посыпались кислородные маски. Лайнер резко дал крен на левое крыло и уже под громкие крики начал проваливаться в воздушную яму. Ручная кладь попадала с незакрытых полок, на противоположной стороне салона повывлетали из кресел не успевшие пристегнуться пассажиры, и где-то впереди истошно завизжали женщины.

Беспомощную Ольгу с огромной силой придавило щекой к иллюминатору, и она с ужасом наблюдала, как над головой в обшивке салона быстро начала образовываться трещина. Буквально за несколько секунд небольшой разрыв – сантиметров сорок – превратился в огромную зияющую дыру с рваными краями. По мерзкому шипящему звуку стало понятно, что произо-

шла разгерметизация. Газеты, пластмассовые стаканчики и другая мелочь хаотично носилась по полу и в воздухе, потом подлетая к быстро расширяющейся трещине, со свистом исчезали в ее черноте.

От стремительного снижения высоты больно заложило уши, а сдавленные внутренности как будто заполнились цементом. Парализованная девушка не могла ни кричать, ни шевелиться. В одну секунду со всей трагической очевидностью она поняла, что на ее глазах разваливается самолет. Ударная волна отключила сознание, и Ольге посчастливилось не увидеть, как хвост с оперением оторвался от фюзеляжа. Через несколько мгновений поток ледяного воздуха вышвырнул из салона не пристегнутую к креслу девушку. Уже в воздухе придя в себя, Ольга увидела удаляющийся лайнер с зияющей дырой на месте хвоста. Самолет на глазах стремительно падал и через несколько секунд врезался в сопку. Взрыв и столб языков пламени не оставляли надежды на что-либо.

Сознание отказывалось принять реальность, но еще сильнее – признать тот факт, что она до сих пор жива. Девушка парила в ледяном разреженном воздухе и падение все более и более замедлялось. Внутренняя истерика вдруг прекратилась, и она с изумлением огляделась. С высоты нескольких сотен метров она видела, как среди безбрежной тайги переливаясь металлическим блеском, словно спинка гигантской змеи, петляла река. Ольга перестала ощущать пронизывающий холод, и ветер почему-то внезапно утих.

«Галлюцинация!» – пронеслось у нее в голове. Но в следующее мгновение она уже была уверена в правильности своей мысли... На нее смотрели чьи-то глаза. Теперь не осталось сомнения – она либо сошла с ума или, что скорее всего, уже умерла. Постепенно прямо в воздухе стало прорисовываться показавшееся знакомым лицо. Видение становилось более плотным, и Ольга увидела парящий в воздухе полупрозрачный силуэт человека. Время исчезло, и она неподвижно застыла в воздухе.

Старик с седыми длинными косами в парке из шкуры какого-то животного пристально смотрел на нее. Рядом с ним медленно проявился такой же полупрозрачный силуэт старухи. Потом возник образ более молодого мужчины, следом женщина, и опять старик и еще одна старая женщина. Они окружили Ольгу со всех сторон. То, что происходило сейчас, было за гранью разума, но видение почему-то ее не пугало, и подвергать анализу все происходящее совсем не хотелось. Она переживала удивительное состояние внутренней тишины. Как будто приветствуя девушку, призраки сдержано ей улыбались. Окруженная в кольцо своими защитниками, она плавно спускалась на землю. Сколько это продлилось, определить было невозможно – время перестало восприниматься как бег сменяющих друг друга мигнов. Медленно приближающаяся земля сознание не воспринимало как неизбежную смертельную угрозу. Достигнув земли, Ольга почувствовала не очень сильный удар обо что-то упругое. В эту секунду чувство реальности к ней вновь вернулось, и она потеряла сознание. Так невероятным образом праправнучка великого шамана Иркия вернулась в родные края.

5

Каким-то новым зрением Ольга видела, как сумрак векового леса пронизывали сияющие мириадами пылинок тонкие нити света. Отсутствие ветра рождало неестественную тишину. Ни привычный шелест листьев, ни звуки насекомых, ни что другое не нарушало прозрачную неподвижность воздуха. По логике сейчас она должна переживать ужас и отчаяние или, наоборот, истерическую эйфорию, но она ничего не чувствовала. Скорее, это было ненормальное для подобной ситуации спокойствие, и снова возникло сомнение: да жива ли она на самом деле? Но если это смерть, то выглядит она довольно неожиданно.

Хотя нет. Подобные ситуации она уже прежде видела и даже вспомнила где. Какая занятая тема для статьи! Кинематограф уже столько напридумывал про послесмертный опыт, что этот донельзя заезженный Голливудом штамп уже превратился в некий паттерн. Там по сюжету после смерти герои еще целый фильм бродят по земле, доделывая свои незавершенные дела. На экране злключения этих слегка недоумерших покойников выглядели довольно забавно.

Сев на мох, Ольга внимательно себя осмотрела. Ощупав лицо, постигав туда обратно колени и локти, никаких повреждений не нашла. Только мокрые брюки, жакет и туфли не оставляли сомнения, что она побывала в воде. Кресло из самолета, да еще какой-то мелкий мусор, лежащее на противоположном берегу небольшого болотца, убеждали окончательно – все произошедшее с ней не сон и не галлюцинация. Глядя на опрокинутое сиденье, Ольга внезапно поняла, что не помнит, как выбралась из воды. Немного поразмыслив, решила: по всей вероятности у нее посттравматическая амнезия. Но потом сразу же отменяла это – подробности авиакатастрофы она помнила прекрасно. Самолет разбился у нее на глазах, и вряд ли хоть кто-нибудь выжил. Да и у нее самой шансов выжить тоже не было. Никаких. Искать ее не будут – это точно, и где она находилась – неизвестно. Что делать дальше – непонятно.

– Очнулась?

От неожиданности девушка испуганно вскрикнула и обернулась. За спиной стояла старуха в любимом всеми бабками фланелевом халате с запахом. Явно из местных. Тунгуска или бурятка. На вид страшно древняя. Но при этом весьма колоритная. Желтая, как у мумии, кожа плотно обтягивала ее сухой череп с широкими скулами, под которыми вместо щек проваливались две глубокие ямы. Отчего скулы казались еще шире. Глубоко посаженные бесцветные глазки настороженно выглядывали из-под далеко выступающих надбровных дуг без единого волоска. Этот небольшой изъян на лице с лихвой компенсировался наличием седой поросли на подбородке – редкой, но зато длинной. Из-за отсутствия зубов тонкая сморщенная щель вместо губ делала старуху похожей на черепаху.

«Ну, вот вам и триквел, – подумала Ольга, удивленно разглядывая тунгуску. – Сначала фильм-катастрофа, следом хождения призрака и в довершение – ожившая мумия из каирского музея».

Испещренное морщинами лицо старой женщины не выражало никаких явных эмоций типа радости или удивления. Можно было подумать, что самолеты здесь бьются чуть ли не каждый день, а пассажиры в тайге валяются пачками.

– Здравствуйте, бабушка. Извините, я немного испугалась. Вы не могли бы мне сказать, где я сейчас нахожусь и как мне отсюда выбраться?

Но «мумия» ответом не удостоила, махнула Ольге рукой, веля следовать за собой, и быстро направилась в лес. Ничего не оставалось, как подняться и догонять ее. Несмотря на древность, старуха шагала по кочкам и бурелому довольно ловко, и Ольга на каблуках едва поспевала за ней. Куда она ее вела – было неясно. Но спросить Ольга почему-то не решалась. Она и сама не понимала, почему робела перед этой старой Тортилой, которую она мысленно уже так окрестила, но превосходство ее ощущала.

Следуя за старухой, Ольга пыталась мысленно проанализировать мистическую последовательность произошедших событий. Они идут уже, наверное, около получаса, а ни жилья, ни дорог, ни других признаков присутствия людей нет. Явно, что здесь очень глухие, если не сказать более – необитаемые места. Самое удивительное, что старуха не воспринимает ситуацию как из ряда вон и не задает никаких вопросов. Она словно ее здесь ждала. Все это было очень странно и походило на какое-то невероятное совпадение или фантастическое стечение обстоятельств. Других объяснений не находилось.

Минут через сорок впереди внезапно показался просвет, и они, наконец, вышли из тайги на берег довольно широкого ручья, опоясывающего петлей небольшой полуостров. И Ольга открыла рот от изумления. Окруженный с трех сторон водой, перед ней стоял покрытый брезентом довольно вместительный чум. Чуть поодаль высоко над землей торчало несколько длинных шестов с прикрепленными наверху деревянными птицами. То, что место, куда они пришли, было весьма необычное или, более того, сакральное, Ольга мгновенно поняла по галерее зооморфных фигур из дерева, стоявших сзади и с боков от сооружения. Это были довольно старые, покосившиеся на одной ноге высеченные из бревна скульптуры оленей, каких-то рыб и прочих стилизованных животных, которых из-за ветхости материала Ольга не смогла определить. По всей вероятности, тотемов-защитников этого таежного храма. И, понятное дело – не от людей. Древний пантеон стоял весь заросший высокой травой, что явно говорило – косить и топтать здесь давно некому.

– Ну вот и мой дюкан, – сказала старуха.

– Что?! – не поняла Ольга, но, столкнувшись с взглядом Тортилы, тут же осеклась.

Старуха глухо пробурчала под нос:

– Ничего. Домой пришли.

– Извините, а с вами здесь кто-нибудь еще живет, бабушка?

– Нет. Тайга совсем глухая. А местные боятся.

– Почему? – удивилась Ольга.

– Экэл! Запрет! Кто на тыгдылон встанет – нога отсохнет. Кто Собихстога рукой тронет – злой дух сожрет. Не бойся. Сюда никто ходить не будет.

Перспектива, что сюда никто не придет и в быстро здесь ее не найдут, Ольгу совсем не обрадовала, но задавать вопросы дальше поостереглась. Вид у бабки был очень серьезный, поэтому решила с разговорами повременить.

Тортила подошла к чуму и приоткрыла раму с натянутой на нее шкурой и боком быстро проскользнула вовнутрь своего жилища. Ольга, неуклюже задев головой верхний край, протиснулась вслед. Старуха сердито оглянулась:

– Пригнись, дылда. Халкамчу обрушишь!

Что такое халкамча, Ольга не поняла, но на всякий случай постаралась нагнуться как можно ниже, чтобы войти, ничего не задев. Оказавшись в полумраке, девушка сначала слегка растерялась, но, постояв несколько секунд, постепенно привыкла к сумраку жилища старухи, единственным освещением которого оказался солнечный свет, проникающий в отверстие дымохода в верхней части сооружения. Остов чума был собран из тщательно ошкуренных гладких пяти-, шестиметровых жердей, на которые поярусно, как шифер, были наброшены полотнища из скрепленных между собой широких полос коры. Видимо, для того, чтобы дождевая вода не просачивалась вовнутрь. Напротив входа вдоль стен стояли деревянные изваяния. Увидев пол, устланный циновками и шкурами, Ольга захотела разуться. Присев у входа, она сняла мокрые туфли и отряхнула ступни от насыпавшихся в обувь еловых иголок. И только теперь внимательно огляделась. И в ту же секунду испытала то, что переживает любой человек, столкнувшись с крайне неприятным феноменом дежавю: испуг и растерянность.

При первом же взгляде на очаг, находившийся посреди чума, Ольга почувствовала, как кровь прихлынула к лицу. На поперечной жердине, подвешенный на черном от копоти крючке,

висел такой же черный, покрытый толстым и корявым нагаром, медный котел. ТОТ САМЫЙ, который она видала в своем видении полгода назад. Ольга подняла глаза. Деревянных истуканов, стоящих вдоль нависающих стен, вертикальный шест в центре – все это она тоже уже видела. Тогда же. С тех пор здесь почти ничего не изменилось. Разве что поражала нелепостью своего присутствия лежащая рядом с очагом ядовито-розовая китайская зажигалка.

Застыв от изумления, Ольга смотрела на знакомую ей обстановку и беспорядочное нагромождение фрагментов прошлого, вдруг начали складываться в логическую последовательность. Словно россыпь кусочков смальты внезапно сложились в завершенную целостную картину. Это было невероятно! Сейчас она вновь переживала то потрясающее своей иррациональностью чувство единства, когда прошлое, настоящее и будущее вдруг сливаются в точке, где исчезает время, и все внезапно становится абсолютно ясным и понятным. Когда из множества, казалось бы, случайностей неожиданно вырисовывается закономерность и смысл. Мгновенное проникновение в суть! Мысленное постижение целого! Внелогическое озарение: если что-то однажды уже произошло, теперь это будет существовать в вечности. Всегда.

Пытаясь отмахнуться от внезапного наваждения, Ольга встала и подошла к деревянному истукану, стоящему напротив входа. Захотев к нему притронуться, она протянула дрожащую от волнения руку, но вспомнив, быстро отдернула. Оглянувшись, с опаской спросила старуху:

– А у меня рука не отсохнет, если я дотронусь?

– Нет. Твоя не отсохнет.

Покрытые вековой копотью и липкими следами от жертвоприношений языческие идолы смотрели на Ольгу сквозь немыслимую толщу времени, и вдруг она осознала, что вернулась домой. Абсолютно иррациональное чувство. Сейчас она опять ощущала то, что и на сеансе холотропа: присутствие в себе двух противоположных, если не сказать, исключаящих друг друга личностей: переживающую и анализирующую.

Тем временем старуха начала хлопотать по хозяйству. Зажгла огонь в очаге, налила воды в тот самый котелок и полезла в разрисованный орнаментом берестяной короб, стоящий у стены рядом с входом. Достала длинную холщовую рубаху, расшитую бисером на груди, и протянула Ольге.

– Сунилвэр луккаллу!

Увидев испуганный взгляд гостыи, старуха спохватилась:

– Одежду скидывай. Сушить будем.

Огонь в очаге удивительно быстро согрел воздух, и только теперь Ольга почувствовала, как же сильно она устала, хочет есть и спать. Сняла мокрые брюки и жакет и надела сухую рубашку на голое тело. Старуха кивнула на поперечную жердь с крюками, висящую выше головы над очагом:

– Повесь на таган. К утру просохнет.

Приготовленная еда оказалась самой банальной: гречка с говяжьей тушенкой. Никакой экзотики в виде вяленого мяса медведя или других туземных изысков. Но Ольге было все равно. Она быстро съела из алюминиевой миски всю кашу и, поблагодарив, спросила, где она может лечь поспать? И хотя еще только был ранний вечер – глаза слипались с непреодолимой силой.

Старуха откуда-то вытащила спальный мешок из заячьего меха и приказала:

– Залезай. Тепло будет. Спи. Духи придут, говорить будут.

Вдоль стен чума из лапника был устроен плотный настил, на котором раскладывали постели. Решив для себя сегодня больше ничему не удивляться, Ольга расстелила спальник, залезла в него и мгновенно провалилась...

Яркое солнце стояло в зените. Плотно слежавшийся снег с хрустом продавливался под ногами при каждом шаге. Ольга на секунду остановилась и огляделась. Громадный пласт ледника растекался по пологому склону горы. Кругом, куда бы ни простирался взгляд, уходили

длинные цепи гор, покрытые сияющим ослепительной белизной снегом на фоне ярко-синего неба. Величественность горного пейзажа должна была восхищать, но эмоции почему-то не соответствовали настроению красивого ландшафта. Ольга ощущала необъяснимую и, казалось бы, беспричинную тревогу.

Впереди след в след, как это обычно делают альпинисты, или несколько человек. Она знала их. Это были те странные люди из ее прежних кошмарных снов. Но сейчас что-то изменилось – ее никто не пугал и не мучил. Ольга оглянулась. Следом, опираясь на посох, украшенный сверху оленьим копытом, стараясь не отставать, шла Тортила. Тяжело дыша и охая, старуха насколько могла быстро переставляла свои кривые короткие ноги. Шедший первым старик в расшитом аппликациями красивом туземном кафтане вдруг резко остановился, и Ольга увидела, как впереди широкая расселина разрывает поле ледника и уходит куда-то очень далеко. Обойти ее было невозможно. Но в следующую секунду группа людей, только что стоявшая рядом, внезапно оказалась по ту сторону пропасти. Они стояли и, глядя на Ольгу, ждали. Поняв, что ей надо перепрыгнуть через трещину, девушка запаниковала. Подойдя к краю, она взглянула в разлом и похолодела от ужаса: черная отвесная стена обрушивалась вниз. Тортила нетерпеливо толкнула Ольгу в спину копытом посоха:

– Иди, тебя давно уже ждут. Не бойся.

– Я не могу, мне страшно.

– Прыгай, говорю! Здесь оставаться нельзя. Посмотри назад.

Ольга обернулась. Беззвучная стена снежной лавины стремительно надвигалась на них. Еще пара мгновений, и она сметет ее вместе со старухой в эту кошмарную пропасть. Но страх уже парализовал ее и мозг, и тело. Она в отчаянии опять посмотрела в расщелину и дна не увидела. Вдруг Тортила с силой, которую невозможно было ожидать от этой маленькой сморщенной старушонки, ударила Ольгу посохом по спине. В ту же секунду незримая волна подхватила ее и перекинула на другую сторону. Она с ужасом обернулась и увидела, как обрушившаяся сзади лавина увлекла за собой старуху...

Ольга закричала и проснулась. Сердце яростно колотилось о грудную клетку, а влажная от пота рубашка противно прилипла к телу. Как же она устала от этих выматывающих еженощных кошмаров! Распахнув дрожащими руками спальник, Ольга выбралась наружу и, пытаясь успокоиться, начала соображать: где здесь находится туалет и где можно умыться? Старухи в чуме не было, видимо, она находилась где-то снаружи, и Ольга, на всякий случай, чтобы не рассердить Собохстогов, решила сбегать в кусты подальше в тайгу. Полевые условия – более чем! Но, если вспомнить, что она сама всего этого хотела, то... Вот уж воистину «бойтесь своих желаний...»

Вскоре вернулась старуха, развела огонь в очаге и начала мастерить незамысловатый завтрак. Но прежде, чем дать еду Ольге, старуха тихо что-то прошептала и, налив в миску молока, поставила ее на помост напротив истуканов. Духам еда полагалась в первую очередь. Через некоторое время Тортила уже молча наблюдала, как гостя с удовольствием грызла пряники, об которые можно было сломать зубы, запивая их чаем с сушеными ягодами и какими-то пахучими листочками.

– Сон видела?

Ольге стало не по себе.

– Да. Плохой. – Но потом, будто оправдываясь: – Мне теперь всегда только плохие снятся.

– Во сне с человеком Великий Буга разговаривает. Некоторые его понимают.

– А кто такой Буга?

Старуха задумалась, подбирая аналогию на русском.

– Вселенная по-вашему. Расскажи.

– Видела, как вы во сне меня через пропасть перекинули. Было очень страшно.

– Хороший сон. А я где была?

– А вас лавиной смело прямо в трещину. Я так сильно кричала, что до сих пор в горле першит.

– Хороший сон, – задумчиво повторила Тортила, – значит, скоро помру. Устала я. Скорей бы уж.

Ольга с испугом посмотрела на старуху, но противоречить не решилась. Заметив смятение в глазах гостьи, Тортила добавила:

– Когда в роду появляется новый шаман, кого-то из его родственников духи забирают в Нижний мир.

Чтобы уйти от странного разговора, Ольга развернула из фольги плавленый сырок и с опаской засунула себе в рот. Посмотреть дату изготовления очень хотелось, но было как-то неловко.

– Красивая, – не сводя взгляда с лица гостьи, сказала Тортила. – Сразу видно – наших кровей. Тебя как зовут?

Ольга вдруг поняла, что ведь тоже не знает имени старухи. Странное поведение – привести в дом человека и ничего не спросить.

– Ольга. Простите, а как к вам можно обращаться, бабушка?

– Если по паспорту – Катерина Федоровна я.

– А что, есть варианты и можно не по паспорту? – с улыбкой миролюбиво спросила Ольга. Ей хотелось пошутить и хоть слегка разрядить напряженную обстановку.

– Можно. У эвенков много имен. Но не всем их знать надо. Одно главное – хегдыгу, дают при рождении, второе – эвигген, поганое – это для духов, чтобы запутать их. Духи, они злые бывают и жутко проказливые. Им нельзя знать настоящего имени ребенка, а то нашьют на него несчастий и болезней. Пока человек взрослеет, имя может поменяться несколько раз. Ну и, конечно, есть имя по паспорту. Но ты можешь звать меня Гускеэйн.

– Гускеэйн? Красиво! А это что-нибудь означает?

– Волчица – по-эвенски.

– А почему волчица? – удивилась Ольга, уж больно подобное имя не подходило этой старой бабке. Тортила гораздо больше.

– Сама поймешь потом. Когда узнаешь побольше, у тебя тоже будет другое имя.

– А мне оно зачем?

– Все новое появляется с новым именем. У всего, что вокруг тебя, имя есть. Даже у того, чего ты пока не видишь.

– Скажите, Гускеэйн, а давно этот чум стоит здесь?

– Всегда стоял. Халкамчи старые. Покрышки только менялись. Это шаманское место моего рода. Наш род Зычигир пришел сюда из верховий Лены и Илима. Давно. Лет триста, наверное, как. А может, и больше. Там, на Лене, прежде были наши кочевья. Большой и сильный был род. Богатый. Оленей много было. А вот теперь остались только ты да я. Плохо!

Почувствовав, что вопросы стало задавать можно, Ольга осторожно спросила:

– Гускеэйн, а почему я здесь?

Старуха тяжело вздохнула.

– Потому что я старая стала. С духами справиться уже не могу. Другой шаман им нужен, молодой и сильный, а старуху они больше не хотят. Вот они тебя и нашли. Ума не приложу, как и где? Сказали, что приведут тебя ко мне. Вот, привели. Я ждала.

– Зачем?

– Как зачем? – старуха глядела на Ольгу в недоумении. – Ты последняя из рода. Время твое пришло. Орарын тебя нашел. Истинный.

– А кто такой орарын, и что значит истинный? Ложный, что ли, бывает?

Старуха недовольно поморщилась.

– Да всякое бывает. Поразвелись тут клоуны. Сейчас вдруг стало модно вспоминать про свои корни. Бубны себе понаделали и даже короны рогатые не по чину и пляшут перед туристами. Видела я таких в аиле. Все местные смеются. Иногда, правда, случается, что кто-то на самом деле попытается стать шаманом из семьи, где их отродясь не было. Но ничего путного из этого не выходит. Может, такой разве что молоком или водкой духам побрызгать и депутатам на выборах пошаманить. Хорошо те платят. Но выучиться этому все равно нельзя. Мало что такой умеет. Чтобы стать настоящим шаманом, нужно иметь утха – шаманский корень. А в нашем роду Зычигир он всегда был. Теперь рода почти нет, вот и ищут духи нового хозяина. Нашли тебя.

Лицо Ольги от возмущения и злости покрылось красными пятнами.

– А кто меня спрашивал: мне это самой нужно?! Да не хочу я становиться никаким шаманом! Что еще за дела?! У меня родители в Питере с ума, наверное, уже сходят. У меня аспирантура и диссертация! Мне-то это все зачем?! Нет, спасибо, тронута вашим доверием, но вынуждена отказаться.

– Глупая, – нахмурилась Гускеэйн, – никто сам не выбирает, духи выбирают. А уж коли выберут, житья тому человеку не дадут, пока он не подчинится и не начнет камлать. А выбирают духи не всякого, а только того, у кого характер сильный, а душа не робкая.

– Ну, а если не хочет человек этого, есть же способ отказаться?

– Многие пытались, но я таких не знаю, у кого бы это получилось. Пришел орарын – клич по-вашему, и некуда деваться. Раньше семьи большие были, детей много и оленей много. Богатые были. Даже гордились, если появлялся в семье хозяин духам и помощник. Не страшно было отдать одного из сыновей на служение предкам, много еще рабочих рук оставалось, а теперь нет. В маленьких семьях к призыву относятся плохо и пытаются удержать от него: кто силой, а кто хитростью, или с докторами русскими. А уж коли сын единственный зашаманит – беда. Но противиться нельзя. Опасно. Выбранный духами должен им покориться, иначе захворает, зачахнет и помрет. Да и родниться теперь никто не хочет с семьей, где есть шаманский предок. Я вот, не успев замуж выйти, рано зашаманила, а потом никто больше не взял. Обычно при замужестве шаманский корень остается в роду невесты, но если в ее семье последний шаман умер, то утха перейдет в род мужа. Поэтому были парни, кому я нравилась, но родители их воспротивились. Вот теперь сижу, как старый пень, одна. Духам по старости больше уже не нужна, а люди от меня и прежде всегда сторонились. Хотя уважали, но боялись. И сделалась я от этого угрюмой и сердитой. А ведь веселая была молодой.

– А если бы вы успели замуж выйти, то что бы это изменило?

– Шаманка после рождения ребенка почти всю силу теряет и вернется она к ней очень нескоро, после того, как всех детей вырастит. Ребенок мать ест, и каждый другой ребенок тоже по куску съест. А шаманка может быть только целой. Только тогда она найдет в себе силы с духами справляться. Но у тебя детей, вижу, нет. Иначе бы духи на тебя даже и не глянули.

Раньше Ольга о браке как-то не задумывалась. Она всегда ощущала себя кошкой, «гуляющей сама по себе». Научная карьера представлялась ей вполне достойным эквивалентом семьи и детей. Все ее знакомые и подруги, рано выскочившие замуж и родившие детей, не вызывали у нее зависти. Женщины, замыкающие свое общение кругом семьи и компенсирующие свое добровольное ограничение воображаемыми любовниками из сериалов и романов, вызывали у нее скорее сочувствие. На свой же счет иллюзий Ольга не имела. Себя она относил к тому не часто встречающемуся холодноватому типу женщин, которым требовалось личное признание вне зависимости, замужем она или нет. Но сейчас впервые в жизни она пожалела, что до сих пор одна и не нарожала детей.

– Гускеэйн, а как вы узнали, что пришло ваше время шаманить? Или вы всегда знали, что это ваше предназначение?

– Нет. Никто не ждет и не хочет зова. А случается это всегда внезапно и в разном возрасте. К кому-то приходит рано, как ко мне, а иногда и в зрелых годах человек вдруг ни с того ни с сего зашаманит. По-всякому бывает. Но чаще всего приходят к избранному духи во сне. Почти всегда это умерший шаман из его рода. И говорит избранному: «Я тебя выбрал. Иди шаманить!» Если не подчинишься, то следом за ним налетят подвластные ему духи и начнут изводить и мучить человека, пока он не сдастся и не начнет камлать и приносить им жертвы. И тогда сдуревает человек и начнет петь и плясать, будет прозорлив и видеть то, что другим людям не дано. Силы большие снищут, но покоя лишится... Тяжело, – как-то вдруг разом сникла старуха.

Потом, немного помолчав, продолжила:

– А если не подчинится призыву – будет как чокнутый. Плакать без причины или хохотать. Так он ищет свою шаманскую дорогу. А как найдет, то в раз тут и выздоровеет. После того, как разум вернется, велют духи ему колотушку и бубен сделать, и станет он настоящим шаманом. Тунгусских шаманов всегда считали самыми сильными в Сибири. К ним шли, если другие помочь не могли. Перестать быть шаманом нельзя никак, если только духи сами от тебя не отвернутся, как вот от меня.

– А что за силы приобретает шаман? – уже более спокойно с любопытством спросила Ольга.

– Большие силы. Будешь летать, будешь понимать язык зверей, птиц и гадов всяких. Станешь превращаться в животное, которое тебя изберет. Будешь мысли людей слышать. Будешь по Вселенной путешествовать, много миров всяких увидишь: и Верхний, и Нижний. А еще будешь душу людям возвращать, а коли понадобится – то и захватывать. Будут тебя уважать и бояться.

– Я совсем не хочу, чтобы меня боялись. И летать – это, видимо, какая-то космологическая идеограмма?

Но, поймав взгляд старой шаманки, Ольга мгновенно осеклась, поняв, что сморозила какую-то несусветную глупость. Гускеэейн, подковкой поджала свою сморщенную щель, предполагающую рот, и, сделав вид, что ничего не услышала, продолжила:

– По преданию, было время, когда люди могли свободно перемещаться между мирами, по которым течет великая река Энгдекиит. Из Верхнего мира в Нижний. Но потом мост, соединяющий небо, преисподнюю и землю, обрушился. Теперь для живых людей небо закрыто, Нижний мир – страна без возврата, куда лишь мертвые уходят. Только в этом срединном мире они хозяева и то не сильно, ибо мир этот совсем маленький в сравнении с Верхним и Нижним. Но шаман – совсем другое дело. Одному ему открыты все миры. Только он может находиться в мире духов и людей одновременно. И летать для великого шамана – как простому человеку ходить посуху.

Ольга была поражена. Многие годы она мечтала увидеть тайную сторону жизни архаичных культур. Какими-то невероятными переплетениями событий теперь перед ней распахнулись врата судьбы, а ей страшно заглянуть в эту пугающую бездну, но одновременно такую завораживающую и притягивающую. Наблюдать со стороны и быть внутри процесса – вещи несоизмеримые. Но что самое ужасное – выбора-то у нее и нет. Или все же есть?

– Гускеэейн, а может, все-таки есть кто-то живой в роду, кроме меня?

– У тебя братья или сестры есть?

– Нет, я одна у родителей. Но как же так получилось, что весь род вымер?

Старуха вздохнула:

– Давно это началось. Сперва оспа многих выкосила. Когда слишком много людей заболевают разом, одному шаману не справиться. Еще много мужчин погибло, когда ссора с родом Чамдалей вышла. Но сейчас их тоже мало осталось. Шаманы обоих родов, болезни и мор насылая, сильно навредили друг другу. Потом другая беда напала. Пришли на наши земли ламы из

Монголии и начали свои дацаны строить и своей желтой вере учить. Вот тогда начались сильные гонения. Сажали нас в ямы, жгли бубны и облачение, без которых камлать нельзя. Короны рогатые ломали. Подговорили ламы хана Наму убить всех шаманов. Собрали всех, кого поймали. Других обманом завлекли в урочище Улалу и в айыле – в юрте такой из тростника – подожгли. Все сгорели заживо, человек семьдесят было. Кроме Тархана. Великий шаман был. Он вылетел в дымоход и живым остался. Постепенно так получилось, что на восток от Байкала почти все в монгольскую веру обратились.

Ольга видела, как из сморщенной глазницы старухи вытекла слеза. И стало ее очень жалко.

– Потом пришли русские, и подались мы в подьясачные к белому царю. Думали, что он нас от татарских ханов защитит. Те тоже нас не любили. Шайтанами обзывали. Но на западный берег вместе с казаками пришли русские монахи. Построили свои обители в устье Селенги и поставили кресты на наших священных местах, на которых много сотен лет почитались духи предков. На Ольхоне наши жертвенные камни осквернили. Многие тогда в белую веру обратились. Все меньше оставалось людей, в которых сохранился утха. Слабел род постепенно.

Старуха замолчала. Говорить ей было тяжело. Ольга не перебивала. Она все больше прониклась сочувствием к этой старой и, похоже, не очень счастливой женщине. Из книг по антропологии она знала, что жизнь шамана тяжела и недолговечна. До глубокой старости доживают единицы.

– Потом белого царя не стало, но легче от этого никому не сделалось. Новые пришли, и плохо теперь было всем: и монахам, и ламам. Правда, нас теперь не жгли и не расстреливали, а дальше Сибири не зашлешь. Но гонения все равно были жестокие. Бубны ломали, камлать запрещали, а тех, кто упорствовал, в психушку сажали. Оно и правда, когда в шамана духи войдут, то он и впрямь на сдуревшего похож. Но настоящий чокнутый, попадая в мир духов, если его не лечить, погибнет. Не выдерживает больной человек общения со злыми бунинкаханян из Нижнего мира. Другое дело шаман. Попадая туда же, куда и псих, знает, зачем сюда пришел, и знает, как вернуться назад в Серединный мир. Псих тонет – шаман плывет.

– Мне трудно все это принять, Гускеэйн. Я человек другой культуры, странным образом оказавшийся здесь. Я живу в мире, где человек, увидевший, чего другие не видят, автоматически попадет в разряд пациентов психиатра. Хотя последнее время это меняется.

– Твои страхи понятны. Но хочешь посмотреть, что на самом деле происходит сейчас вокруг тебя?

– А разве что-то происходит? – удивилась Ольга.

– Конечно. Сейчас покажу.

Старуха встала, подошла к коробу у входа и, покопавшись, достала пол-литровую бутылку из-под пива. Из-за густого осадка, осевшего на стекле, Ольга догадалась, что это какая-то настойка или отвар. Гускеэйн взболтала жидкость, отлила из бутылки примерно половину и протянула кружку.

– На. Пей. Не бойся.

Взяв в руку питье, Ольга несколько секунд принюхивалась и разглядывала содержимое. По запаху зелье было похоже на взвесь из сушеных грибов. Ясное дело – не из лисичек или подосиновиков. Скорее мухоморов или других псилоцибиновых. Но не только. Отчетливо чувствовался еще и запах багульника с легким оттенком можжевельника и привкусом чеснока. Наверняка дикого. Ольга вспомнила: прежде чем начать свое путешествие в Зазеркалье, Алиса откусила от гриба. Может, старик Кэрролл тоже шалил с поганками? Ольга поморщилась, секунду подумала и решилась. Несколькими большими глотками проглотила настойку и... «перепрыгнула через пропасть».

Действие отвара началось не сразу. Посидев несколько минут, внимательно прислушиваясь к ощущениям, Ольга почувствовала, что слегка захмелела. Голова немножко кружи-

лась, и приятная эйфория, похожая на первую волну от шампанского, пришла к ней. Стало легко и весело. Легкий тремор с покалыванием в пальцах и слабое подташнивание особенно не напрягало. Через короткое время – минут двадцать – стены чума ожили и поплыли. Мир вокруг наполнился струящейся энергией, и всякое подобие здравомыслия ее покинуло. Оказалось, что территория ее разума – крошечный островок в фантастическом океане иррационального. Неожиданно исчезли все прямые линии и как-то странно искривились углы. Волнообразные завихрения, переплетаясь и пульсируя красками невероятных оттенков, в народе именуемых кислотными, начали разбегаться в разные стороны. Все кругом изменилось до неузнаваемости. Сквозь узоры и размытые линии неожиданно начали проступать мерзкие физиономии каких-то диковинных существ. Они строили Ольге гнусные рожи, исчезали, появлялись вновь, делали неприличные жесты, хихикали и показывали друг другу на нее своим грязными пальчиками.

Этих существ было порядка пятнадцати-двадцати, и вели они себя предельно развязано. Но самое удивительное – они жрали и пили! Несколько тварей стояло, как собаки на четвереньках вокруг миски и уплетало налитое для них консервированное молоко из банки. Еще двое облизывали своими длинными, как у хамелеонов, языками недоеденный Ольгой плавленный сырок и крошки от пряников. Третьи щипали и теребили за подол старуху, чего-то требуя от нее. Гускезейн несколько раз отмахнулась от чертенят, но, потом, видимо не выдержав, недовольно охая, все-таки встала. Залезла в свой заветный короб и достала оттуда початую бутылку водки. Невообразимый визг начался вокруг. Мерзкие твари побросали еду и, словно чумазые цыганята, кланчащие на базаре деньги, окружили старуху со всех сторон. Они толкались, отпихивая друг друга, плевались, нецензурно матерились по-русски и протягивали свои противные ручонки с длинными, похожими на пиявки, пальцами. Старуха вытасила пробку из бутылки и начала брызгать водкой вокруг себя.

Видеть духов – это шок само по себе, но нетрезвых – многократный. Теперь они хохотали и в восторге с визгом катались по полу. Некоторые, уже пьяные и сытые, умиротворенно лежали, как свиньи, в луже вдоль стенок чума.

Через кое-какое время все угомонилось. Видение начало медленно исчезать и Ольга постепенно вернулась в свое прежнее обыденное состояние... другим человеком.

Она сидела рядом с очагом и, оглушенная только что пережитым, тупо смотрела на пустую бутылку, валяющуюся рядом на полу. Солнечные лучи, попадая через дымник, освещали левую стенку чума – это означало, что солнце уже перевалило зенит и вот-вот начнет темнеть. Стало быть, в этой реальности она отсутствовала не менее трех-четырёх часов. Но в сознании зиял пугающий временной провал. Сколько времени она провела на той стороне точно, Ольга сказать не могла. Часы она не носила, а ее искореженный и оплавленный телефон, зарывшись глубоко в землю, лежал на месте авиакатастрофы в трех днях пути отсюда. Гускезейн с закрытыми глазами сидела напротив и, слегка покачиваясь, пела. Если, конечно, ее унылое, звучащее на одной ноте «м-м-м-м-м-м-м-м-м-м-м» можно было назвать таковым.

– Гускезейн, что за тварей я сейчас видела? – осторожно спросила Ольга. Ответа она ждала с ужасом.

Старуха открыла глаза и, как будто очнувшись, переспросила:

– Каких тварей?! А-а, ты про этих? Это духи. Домашние. Самые низкие. Всегда живут с людьми рядом. Просто в шаманском доме их больше чем в других. Русские домовиками их зовут. Противные и жадные. А прожорливые – спасу нет! Но если их не подкармливать – еще пакостники великие. Чуть что не по ним – своевольничать начинают. То утварь домашнюю попрячут, то порох или спички намочат, детям спать по ночам мешают – за нос, за ухо дергают, волосы в колтун такой собьют – век не расчешешь. Кого невзлюбят – душить по ночам будут. А что делать?! Приходится кормить, иначе житья не дадут.

Ольга слушала потрясенная. То, что стало шоком для нее, для этой старой женщины являлось привычной повседневностью! Значит, это не была просто галлюцинация под воздействием какого-то энтеогена⁴. Не могут же два разных человека видеть один и тот же глюк одновременно?! «Это только гриппом все вместе болеют. С ума сходят поодиночке», – вдруг вспомнилось ей.

– Гускеэейн! Но ведь вы не пили ту настойку из бутылки!

В голосе Ольги звучало явное недоверие.

– Мне и не надо. Я и так все вижу. Это не сразу приходит.

Ольга с какой-то невероятной ясностью вдруг поняла: ей придется находить в себе мужество признать, что все увиденное – не галлюцинация, а реальность. Реальность, в которую почти невозможно вот так просто взять и поверить! Но разве то, чему ее учили в университете или в школе, не было той же системой верований? Разве множество научных догм, аксиом и постулатов, не требуют если не веры, то, по крайней мере, убежденности? Часто ли она подвергала сомнению все услышанное и прочитанное за двадцать семь лет своей жизни? И кто сказал, что та же убежденность ученого в своем монопольном праве на истину имеет большую ценность, чем лично пережитый опыт невежественного колдуна? Идет время, одна научная парадигма сменяет другую. Но все достижения науки даже на дюйм не приблизили ее к пониманию феномена разума да и самой жизни. Полный провал! «Сие есть тайна великая». Наука, как и сто лет назад, все еще зависит от точности приборов и от добросовестности чьих-то интерпретаций. Никто не знает и не понимает, как материя связана с сознанием. Древним же знаниям уже тысячелетия. Сейчас ей никто не предлагает во что-то верить. Ей просто дают возможность выйти за пределы пяти органов чувств и все пережить самой. Ольга сделала глубокий вдох и решила принять свою невероятную судьбу.

– Гускеэейн! Я больше не буду противиться зову.

– Хорошо, – спокойно сказала старуха, как будто была уверена в ответе заранее, – времени мало. Мне помирать скоро, а научить тебя надо многому. Сейчас поедим, и ложись спать. Высыпайся. Если ничего не помешает, завтра и начнем.

– Я вижу, вы не удивлены?

– Нет. У тебя глаза светлые. И шалые чуть-чуть. Только такими глазами и видят духов. Я другого шамана среди любой толпы по такому вот взгляду сразу узнаю.

– Но у меня глаза карие, – возразила девушка.

– Я не про цвет.

...Ольга стояла над очагом и с отчаянием что есть силы терла огневую доску. Но трут почему-то не хотел воспламеняться. Кто-то тронул ее за плечо, она оглянулась. Знакомая женщина из прошлых сновидений, заботливо улыбаясь, взяла в руку ее ладонь и провела по доске, и трут мгновенно вспыхнул. Сухой мох и береста загорелись, и в следующую секунду пламя быстро охватило более толстые ветки хвороста. Осветив окружающее пространство, теперь огонь позволял увидеть то, что до сих пор скрывала темнота. В чуме Ольга была не одна. Вокруг очага сидели старик с седыми длинными косами в парке из шкуры какого-то животного, рядом с ним старуха, молодой мужчина и опять старик. И Ольга почувствовала, что ей стало хорошо и спокойно...

⁴ Энтеоген (от др. – греч. ἔνθεος и γένεσθαι, дословно «становление божественным изнутри») – название неформальной группировки различных субстанций растительного происхождения, содержащих психоактивные вещества, традиционно используемые для достижения состояния измененного сознания и приводящие к опьянению. Энтеогены использовали древние шаманы для вхождения в «мистические состояния», в которых они «общались с духами и божествами».

6

Прислушиваясь к непривычным звукам утреннего леса, девушка долго лежала, не открывая глаза. Ей хотелось подольше остаться наедине со своими мыслями. Ольга думала о том, что в двадцатом веке западный человек, поправ духовные традиции предтеч, воздвиг новую церковь. Высокомерно встав в центре мироздания, он написал новое евангелие – психоанализ, и себя же назначил его апостолом. Шаманизм же напротив никогда не вычленил человека из окружающей природы. Но что-то начало меняться. Сделав круг, разочарованное человечество в поиске новой парадигмы, свободной от манипуляции и лжи, сегодня вновь, пока еще неуверенно, начинает возвращаться к истокам. У Перуна, Сварога или Одина с каждым годом все больше новоиспеченных адептов – но уже не рабов божиих, а союзников и партнеров. Много лет она стремилось к обретению этого скрытого знания, а получив желаемое, сейчас все ее существо трепещет. Сегодня произойдет прыжок на другую сторону. Старуха еще вечером сообщила об этом. Незнание всегда пугает. И манит неодолимо.

В чум вернулась Гускеэйн и, тихо нашептывая под нос свои тунгусские заклинания, начала разжигать очаг. Огонь капризничал, дымил и не хотел разгораться. Шаманка достала из кармана кусочек жира и бросила в костер. Пламя мгновенно вспыхнуло и радостно затрепещало. Заметив, как Ольга одним полуоткрытым глазом наблюдает за ней из спальника, старуха пояснила:

– Это для Того-Мусуна – духа огня. Ее каждый раз нужно кормить. Это женская работа. Вставай, одевайся. Поешь с утра хорошенько. После обеда есть больше не будешь.

Завтракали молча. Гускеэйн, как и прежде, поставила угощение и для духов, но Ольге все время мерещилось, что противные ручонки домовиков тянутся к ее миске.

Когда допивали чай, старуха спросила:

– Духи во сне приходили?

Ольга удивилась, как легко и быстро мистическое становится вокруг нее естественным и привычным. Вопрос шаманки прозвучал настолько буднично, словно та поинтересовалась, почему нынче картошка?

– Приходили. Те, что и прежде. Три мужчины и три женщины. Кто они, Гускеэйн? Почему они уже столько месяцев пьют мою кровь и зачем пытаются меня?

– Это мугды. Души предков. Шесть самых великих шаманов нашего рода. Такие один раз в сто лет рождаются. А через смерть они дают тебе новый язык, чтобы ты могла общаться с духами и богами. Понятно?

– Чего ж тут непонятного, – грустно ответила ученица, – архаичный паттерн смерти-возрождения.

– Ты сейчас о чем?!

По недовольному взгляду старухи Ольга поняла, что, пожалуй, ей стоило промолчать.

– Не обращайтесь внимания, Гускеэйн. Это я так, о своем девичьем, – потом, пытаясь уйти от неловкости: – А что, шаманы бывают и невеликие?

– Да всякие бывают. Есть, что и шаманами не назовешь.

В голосе старухи прозвучало нескрываемое превосходство.

– По некоторым и впрямь психушка плачет. Мугды у них совсем слабые. А раз дух-хранитель слабый, то и шаман сильным не будет. А есть шаманы великие и могучие. Таких больше четырех на земле одновременно жить не могут. Все миры для них открыты. Боги и нижние, и верхние к ним благосклонны. Только их тело может вынести мощь богов. И подчиненных духов-помощников у них превеликое множество. Когда последний великий шаман помирает, он своих мугды с собой на тот свет уносит. И тогда они превращаются в небесных духов уже

навсегда. Но если мугды на небо не попал, и такое может быть, то рано или поздно он переселится в чье-нибудь тело из своего рода.

Старуха замолчала. Глядя на Ольгу долгим пробирающим до косточек взглядом, она будто испытывала ее.

– Ты последняя. Поэтому вся сила рода Зычигир перейдет к тебе. Великие силы и умения обретешь. Потому что не один мугды у тебя, а целых шесть. А когда помру – семь.

– Но ведь, чтобы стать сильным шаманом, нужны годы и много ступеней посвящений. Я сама это читала. И что? Я так и буду здесь, в тайге, десять лет сидеть?

– Не будешь. Ты женщина – значит уже шаманка. Мужчина долго учится. Потому как мужчина тщеславен. Власть любит и деньги. Мужчина сильный только снаружи. А женщина сильнее его изнутри. Женская магия всегда скрытая, житейская и вездесущая. Еду женщина готовит – магию творит. Одежду шьет – магию творит. Ребенка рождает – великую магию творит. Напоказ ее не выставляет. Почестей не ищет. Силу мужскую женская магия всегда уравновесит. Потому, ежели мужской силы слишком много, бардак тут и наступает.

Гускеэйн замолчала. Казалось, мысли ее находились где-то совсем далеко.

– А древние женскую природу чтили, – словно с укором продолжила она, – потому что домашние чары сильнее таежных. Охотник может долго кругами ходить по лесу и все без толку. Но те, искусные в заклинаниях жены, которые кормят Того-Мусуна жиром и водкой с кровью, действительно по-настоящему сильны. Сидя дома у огня и произнося заговоры, они привлекают добычу. Потому как от духа очага везение зависит не меньше, а то и больше, чем от Синкэна – духа-хозяина охоты.

Ольга улыбнулась. Было забавно слушать, как эта малограмотная женщина легко и незатейливо излагает основы и суть стихийной диалектики – «не нарушающее целостность равновесной системы, разнонаправленное движение энергий».

– Мне все-таки непонятно, почему не дают знания шаману сразу, а требуется несколько ступеней посвящения?

Ольга явно провоцировала старуху.

– Странные вещи спрашиваешь, – изобразив недоумение, ответила Гускеэйн. – Неужели не ясно? Чтобы не убить его. Вокруг каждого человека есть облако. Оно не дает ему увидеть невидимое. Всякое может случиться. И если вдруг облако внезапно откроется и человек увидит все вокруг таким, какое оно есть на самом деле, то может и с ума сойти. Или даже помереть. Над мужчиной облако толще. Оттого, что он существо пришлое. Поэтому и открывают ему глаза постепенно. Женщины на этой земле еще раньше до мужчин жили, и облачко у них тоньше.

Ольга с изумлением смотрела на шаманку. Не в силах сдержать сарказма, Ольга ядовито спросила:

– Это в смысле – мужчины с Марса, а женщины – с Венеры?

Гускеэйн еще сильнее поджала отсутствующую губу и смерила Ольгу надменным взглядом.

– Все шутишь, да? Ты бы слушала да запоминала! Помру ведь скоро, и некому тебе будет все рассказать. Прародители у мужчин и женщин разные. Белый бог Хевенки воевал с богом Харги, и земля с небом горели. Выжили только те, кто пещерах от огня спрятались. Успех то на одной стороне был, то на другой. Если посмотреть, война эта и по сей день не утихает. Мужчины всегда обвиняли женщин во всех смертных грехах. Вроде те с темной стороны луны. Глупые. Даже не знают, что это так и есть. Случались времена, когда женщины верховодили, потом мужчины покоряли женщин, вслед за тем женщины опять верх возьмут. Так и будет, покуда не поймут: кто они и откуда?

Бредовее теории Ольга еще не слышала. Что за глупости несет эта полоумная старуха? Но вдруг как удар по голове! Внезапно она вспомнила, что последние исследования генетиков митохондриальной ДНК позволили вычислить «митохондриальную Еву», гипотетическую

прародительницу всех живущих в настоящее время людей. Из этих расчетов следовало, что возраст «Адама» – носителя игрек-хромосомы – был предположительно сто тысяч лет, а древность митохондрии «Евы» определяли примерно до двухсот тысяч лет. Выходит, что «Ева» старше «Адама» почти вдвое! Значит, не такой уж это все бред, как может показаться на первый взгляд!

Из памяти неожиданно начали выплывать картинки: она в теле самки гоминида лежит обездвиженная на лабораторном столе... «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал».

Мозг готов был взорваться. Слишком далеко идущие гипотезы сами лезли в голову. Странная теория безжалостно опрокидывала привычную и до сих пор всех устраивающую картину мира. Ольга понимала, что пока не готова ни осознать, ни принять эту шокирующую информацию. Пытаясь справиться с волнением, обескураженная, она решила перевести разговор на другую тему.

– Гускеэейн, а как зовут моих духов предков? Или у них нет имен?

– Как это нет? Старших из мугды зовут Иркиней и Хорольхон. Чинукай – он до старости не дожил. А женских духов-покровителей зовут Хутевунмэн, Асикан и Геван. Но никто чужой не должен знать их имен. Вот они к тебе и приходят. Потому что тебя выбрали.

Потом грустно покачав головой, добавила:

– Хотя кого им было еще выбирать?

Почувствовав неловкость, Ольга сменила тему:

– А все-таки почему не всякий может стать шаманом?

– Оттого, что первые шаманы родились от семени богов, а не людей. И семя это в их крови. С кровью и передается. Вон Манги, – кивнула в сторону идолов Гускеэейн, – это который стоит напротив входа с копьем и клювом. Многие шаманы вели от него свой род.

Ольга встала и подошла к деревянным изваяниям. Глядя в недобрые глазницы идолов, она ощутила, как холодок пробежал по спине. Присутствие чего-то сверхъестественного было абсолютным. Зябко передернув плечами, Ольга просила:

– А кто из них главный?

– Буга. Это тот, что с рогами лося. Он – весь мир вокруг: земля, небо, вода, ветер. Все! Буга – везде. Верхний, Средний мир и Нижний. И дырка в небе, там, где Полярная звезда. Через нее шаман входит в Верхний мир, а через расселины в земле и водовороты – в Нижний – это тоже Буга.

Ольга подошла к другому стоящему рядом с Буга идолу, явно не похожому ни на один другой из присутствующих. Судя по цвету и состоянию дерева, ей показалось, что истукан древнее всех остальных. По выраженным женским половым признакам – явно хтонический персонаж и мифическое божество, связанное с первобытным культом плодородия. Это что-то ей напоминало. Божество имело в своем облике двойственную природу: смешение признаков рептилии и человека одновременно. Она как будто это все уже видела.

– Гускеэейн, мне кажется, что это божество старше остальных.

Старуха растянула свою сморщенную щель в подобие улыбки.

– Да, так и есть. Это Абуга – прародительница рода Зычигир – мать первой нашей шаманки. На, возьми багульник, кинь в огонь. Боги любят его дым.

Взяв из рук старухи несколько сухих веточек, Ольга бросила их в очаг. Приятный и дурманящий запах мгновенно распространился по чуму. Дым ровным столбом пошел в отверстие наверху. Гускеэейн одобрительно закивала головой.

– Боги приняли твою жертву. Наверняка сегодня все пройдет хорошо и Нижний мир тебя выпустит.

Вглядываясь в потемневшие от времени и копоти лики, Ольга думала: судя по именам, в этих мифических персонажах Буга и Абуга – дуалистический образ теплокровного и репти-

лии трансформируются один в другой. Персонификация мужского эго в женском и наоборот. Скорее всего, все это относится к самым ранним пластам местных верований. Возможно, даже поздний неолит. Синкретический прототип – зарождение твердого мужского начала в жидком – первородном женс...

– Не умничай! – резкий окрик старухи мгновенно оборвал ход ее мысли. – Мозги прочитай! Забудь все, чему тебя учили! Будешь много думать – будешь мало видеть. И ничего не узнаешь. Просто доверься и подчинись. Где они ее только нашли... – с безнадеей в голосе пробурчала, махнув рукой, Гускеэейн.

Ольга открыла рот, а что ответить, не нашла. Ее как будто нечаянно застали в смешной птичьей позе в кабинке туалета. Это было унижительно – старуха читала ее мысли. Даже если забраться человеку в кошелек или прочесть его письма – все это мерзко, но пережить можно. Но мысли! Разве есть что-нибудь более интимное? Только в мыслях человек – истинный. Все, что снаружи – лишь вынужденный компромисс. И когда вдруг понимаешь, что попал в зависимость к силам, контролирующим твой мозг, наступает прозрение: вот она, предельная степень несвободы! Абсолютная власть есть порабощение разума. От осознания возможности обретения подобной власти Ольга почувствовала, как холодные мурашки пробежали по телу...

7

Старуха долго смотрела подслеповатыми глазками на освещенную зарубку на жердине, по которой, как по солнечным часам, можно было определить время, потом тихо сказала:

– Пора.

Кряхтя поднялась, подошла к сундуку и, немного покопавшись, достала из него полусапожки из сукна.

– На, надень олочи. По тайге на шпильках много не набегаешь.

Ольга присела и, надев самодельную обувь, обрадовалась, как ребенок, – расшитые орнаментом мягкие ботиночки оказались ей впору. Они словно давно ожидали ее здесь. Старуха сняла с крючка шаманский бубен с колотушкой и вышла наружу. Ольга направилась следом. Выйдя, она увидела, что солнце, склонившись к горизонту, уже почти коснулось верхушек самых высоких елей. В воздухе чувствовалась сырость: видимо, где-то в низинах уже начинал скапливаться вечерний туман. Еще совсем немного, и начнет темнеть.

– Гускеэейн, а зачем надо ждать темноты? – неуверенно спросила Ольга.

– Потому что мы Зычигир – род черных шаманов. А с духами Нижнего мира надо общаться в темноте. Иногда даже слабый свет может помешать этому.

Пройдя по деревянному помосту мимо тотемов, старуха подошла к ручью. Повернулась, махнула рукой в сторону леса и властно приказала:

– Иди, ищи вход в Нижний мир.

Ольга растерялась.

– Ничего себе! А где же я стану его искать?

Она надеялась, что старуха будет сопровождать ее, и перспектива остаться одной в тайге не на шутку перепугала. Но, увидев непроницаемое лицо старой шаманки, поняла – помогать ей та совсем не собирается.

– Ну, а как он хоть выглядит?

Ольга готова была разрыдаться.

– Ты сама это решишь. Входом может быть что угодно: и дупло в дереве, и пещера, и расщелина в скале. Водоворот тоже может быть или источник какой. Увидишь – сразу поймешь. Этого я сделать за тебя не могу. Все! Иди, ищи.

– А вдруг я заблужусь? Что со мной тогда будет ночью в тайге?

– У тебя шесть духов-защитников.

Ольга поняла окончательно – дальше спорить со старухой бесполезно.

Потопталась на месте в недолгом раздумье, какое направление выбрать. Потом все же решила пойти вверх по течению. Во всяком случае, у нее хотя бы будет ориентир, чтобы вернуться назад...

Высокие, почти по пояс, кусты папоротника разрослись по нижнему ярусу тайги столь густо, что местами полностью скрывали под собой водный проток. Это необычайное буйство растений создавало иллюзию тропического леса, и Ольге стоило немалых усилий, чтобы продраться сквозь плотное сплетение размашистых, как у пальм, листьев. Поросший голубоватым лишайником старый валежник постоянно преграждал путь, и ей каждый раз с трудом приходилось перелезть через лежащие друг на друге деревья. Остатки вечернего света едва пробивались сквозь кроны вековых елей, и по мере того, как уходило солнце, все вокруг становилось еще более мрачным. Ей казалось, что за каждым деревом или кустом притаилась опасность. Страх был совершенно безотчетный. Она толком даже не могла объяснить, кого или чего она боится. Всякое подобие логики было утрачено. Хруст ломающихся сухих веток под ногами или зловещий скрип старых деревьев вызывали почти что панику.

Ольга шла, оставляя позади себя на уровне глаз сломанные ветки. Где-то она читала, что если, не дай бог заблудиться, то по этим ориентирам можно будет найти потерявшегося человека. Если, конечно, кто-нибудь станет искать. На помощь духов она как-то не рассчитывала. В довершение ко всем мучениям абсолютно некстати начался еще и дождь. Не очень сильный, но достаточный, чтобы ей промокнуть до нитки и замерзнуть.

Тревожно глядя в сумрак, она искала что-либо подходящее под описание Гускеэйн. Пару раз увидела дупла на деревьях, но они почему-то ей не понравились, и она пошла дальше. Потом, через некоторое время, совсем недалеко от берега под поваленным деревом нашла чью-то нору. Но трава около входа была примята, очевидно, каким-то животным, и девушка решила, что обитаемое логово ей тоже не подойдет.

Так, медленно проплутав, как ей показалось, более двух часов, постепенно теряя последние силы, Ольга начала стремительно утрачивать и терпение тоже. Она замерзла, устала, была грязная, злая и голодная. Вокруг уже стемнело, и в голову исподволь начали прокрадываться гаденькие, трусливые мыслишки: не послать ли все это безнадежное занятие куда подальше? Но после того, как пару раз она упала, споткнувшись о скрытые в мокрой траве коряги, Ольга решила, что пройдет вверх по течению еще минут десять и, если ничего не найдет, будет возвращаться. Наверное, духи предков ошиблись – шаманка из нее, как из овцы балерина.

И вот, в момент, когда она уже почти смирилась с мыслью, что все, пора, наконец, поворачивать назад свои несчастные, избитые до крови ноги, Ольга услышала, как изменился шум воды. До этой минуты ручеек журчал ровным негромким звуком, а сейчас вдруг отчетливо поменялась его тональность, словно где-то чуть дальше маленький водопад разбивался о скалу. С надеждой непонятно на что она бросилась вперед. В этот момент, будто специально, яркая полная луна вынырнула в просвет между облаками, и Ольга увидела...

Посреди небольшой поляны залитый мерцающим холодным светом лежал огромный, выше человеческого роста древний валун. Поросший зеленым мягким мхом, он был похож на гигантскую голову заколдованного сказочного великана. Внизу из расщелины, почти у его подножия, однообразно булькая, вырывался ключ. С мелкими брызгами падая вниз на выступ камня, он распадался на множество более тонких струек. Именно этот звук и позволил вычленивать его среди прочих шумов леса. Ольга с восторгом и изумлением смотрела на родник и понимала – она нашла то, что искала! Здесь начинался источник. Странная, но уже знакомая внутренняя тишина овладела ею. Звук льющейся воды показался ей ласковым и успокаивающим. Она забыла, что буквально минуту назад испытывала страх голод и невероятную усталость.

– Молодец! Нашла-таки! – раздалось сзади из темноты.

Вздвигнув от внезапности, Ольга резко обернулась. Старуха стояла у нее за спиной чуть поодаль.

– Гускеэйн?! Вы что, все это время шли за мной?!

Изумлению девушки не было предела.

– Еще чего! Старая я уже по кочкам скакать. Если напрямками через тайгу, сюда минут за двадцать дойти можно.

От злости и обиды Ольга чуть не заплакала: какого черта эта старая ведьма сразу не сказала, что есть ближний путь?! Но, мгновенно все поняв, осеклась на полуслове. Видимо, найти проход на ту сторону ей самой являлось неотъемлемой и обязательной частью инициации. Как и само страдание тоже было его неизбежным условием. Тайное знание не дают. Его добывают. Тяжко. Знание – удел избранных. Иначе старая шаманка никогда бы не догадалась, что она найдет дорогу сюда.

Грязной, дрожащей от усталости рукой Ольга вытерла слезы и, жалко улыбнувшись, попыталась пошутить:

– Настоящие герои, Гускеэйн, всегда идут в обход.

Старуха внимательно осмотрела на ученицу, чей растрепанный и несчастный вид едва ли смог бы не вызвать сострадания даже у самого ожесточенного сердца.

– Это хорошо, что ты умаялась. Теперь боги должны сжалиться над тобой. Сходи вымойся и попей.

Ольга покорно направилась к валуну. Присев на корточки и подставив под прохладную струю поцарапанные и донельзя покусанные гнусом ладони, она испытала облегчение. И...

То фантастическое, однажды уже пережитое чувство вдруг вновь пришло к ней. Время мгновенно утратило свою протяженность. «Настоящее» больше не воспринималось как некий неуловимый миг между прошлым и будущим, а было невероятно долгим и объемным. Мысль исчезла, ментальный поток остановился, и она ощутила время так, как обычный человек ощущает материю. Осязаемо. В секундном озарении она внезапно постигла: все ее предки, шаманы рода Зычигир, приходили сюда. Многие и многие поколения. Все они стояли на этом месте, где сейчас стоит она. Ольга кожей чувствовала их присутствие. В это неимоверно долгое, всепоглощающее, тотальное «СЕЙЧАС» возникло абсолютно иррациональное знание – ее сын и правнук тоже будет стоять здесь когда-нибудь.

Ольга с наслаждением большими глотками пила из родового источника и понимала – равной по вкусу с этой она в жизни воды не пробовала. Кристально чистая – она омывала ее изнутри, словно стирая прежнюю личность и возвращая к началу всего.

Умывшись, девушка вернулась к старухе. Гускеэейн уже расстелила на земле принесенную с собой небольшую циновку и протянула ей чистую рубашку гораздо большего размера, чем нужно.

– Сними с себя все тугое. Дышать надо легко.

Ольга сняла мокрую одежду и, переодевшись, села на циновку.

– Закрой глаза и слушайся. Не думай ни о чем! Когда почувствуешь, что с твоим телом что-то происходит – не пугайся. Отпусти его, и пусть оно делает все, что ему захочется. Не мешай ему, когда его потянет в проход. Тело само поймет, когда пора. Что ты там увидишь, я не знаю. По-разному бывает. Но запомни. Первое путешествие – оно недолгое. Ты там, откуда звучит бубен. Как только услышишь три резких удара, сразу возвращайся. Пока идешь обратно, бубен будет звучать очень быстро. Потом опять три сильных удара. Это значит – все! Вернулась! Ничего оттуда с собой не приноси и ни к чему там не прикасайся. Иначе все сразу исчезнет. Кого бы там не встретила – не бойся. Твои духи-хранители всегда с тобой.

Ольге показалось в речи Гускеэейн что-то знакомое. Ну конечно! Это же баба Яга! Проводник из яви в навь. Там в сказках этот однозначно материнский архетип – страж на границе миров, снабжает главного героя инструкциями перед походом в волшебный лес – страну мертвых. В то место инициации, где растут священные родовые деревья и водятся антропоморфные тотемные животные. Интереснейший, хотя и сложный объект для анализа.

Удар бубна пришелся Ольге прямо по темечку и раскатистым эхом разошелся в темноте.

– Я тебе говорила – голова должна быть пустой! Иначе в дырку не пролезет!

Спохватившись, Ольга виновато быстро сомкнула веки и постаралась сосредоточиться. Это оказалось несложно. Перед глазами, словно фотография, стояло изображение поросшего мхом огромного камня. Внутренним взором она внимательно начала изучать глубокую трещину в толще валуна, из которой бил родник, и в этот момент Гускеэейн ударила колотушкой в шаманский барабан.

Звук оказался низким и гулким. Следом, почти без промежутка, раздался следующий удар. Потом еще и еще. Четкий ритм без ускорения или замедления. Ольга довольно быстро адаптировалась к его ровному и быстрому темпу и уже достаточно скоро почувствовала первые изменения в теле. Голова стала как бы расширяться, и девушке показалось, что источник звука переместился вовнутрь черепной коробки. Каждый удар, резонируя с ее телом, проносился дрожью по коже.

Это состояние продлилось недолго, и вскоре пришло новое, еще более странное. Она почувствовала, как из стороны в сторону начало непроизвольно раскачиваться ее тело. Шея опрокинулась, и вращающаяся голова стала плавно совершать обороты вместе с туловищем. Руки, почему-то ставшие невероятно легкими, сами по себе взлетели и медленно разошлись. Ольга готова была поклясться, что сделали они это сами, без какого-либо ее усилия. Станный протяжный звук, больше похожий на вой или на заунывное пение, неконтролируемо вырвался из ее горла. Непреодолимая сила заставляла раскачиваться, а невесомые руки словно плыли по поверхности океана. Что-то упругое поддерживало их снизу, не давая силе притяжения притянуть их обратно к земле. С каждой новой секундой амплитуда вращения и раскачивания становилась все сильнее и быстрее.

Наблюдала за своими стремительными движениями, Ольга удивлялась тому, как легко, без усилий ей удастся удерживать равновесие. Если бы она проделала подобное в обычном состоянии, то давно бы уже валялась в траве на боку. Никогда прежде ей не доводилось переживать такую несравнимую ни с чем легкость. Ее тело словно парило и кружилось, подхваченное незримым ветром.

Запечатленная в мозге картинка источника начала приближаться, и Ольга внезапно почувствовала, как ее голова протиснулась в проток в глубине камня. Все произошло так легко и быстро, что она не успела отследить момент перехода. Это было удивительно. Она знала, что объем ее головы гораздо больше отверстия в валуне, но в этом новом измерении прежние законы соотношений уже не действовали. Следом и все ее тело оказалось внутри трещины камня. Ольга ощутила себя Алисой, проваливающейся в кроличью нору...

Туннель, по которому она двигалась, или, скорее, он двигался вдоль нее, был похож на длинное круглое и извилистое чрево с ребристыми упругими стенками. Ощущение чего-то живого органического и плотно обтекающего ее тело немного пугало. Казалось, что туннель заглатывал ее, словно гигантский удав. Но потом Ольга заметила – в скользком движении между стенками этой упругой длинной полости есть что-то глубоко чувственное. Это удивило. Следом пришла неожиданная ассоциация прохода внутри женского лона. Она погружалась в плоть Великой Богини матери Земли-Геи. И возникло ощущение свершения чего-то очень значительного и даже колоссального – нового рождения. Только теперь наоборот – из физического мира в духовный. Но сейчас это рождение абсолютно не походило на то прежнее – мучительное, полное фрустрации и боли, во время холотропа.

Как только сжимались стенки туннеля, проталкивая ее вперед, тут же следом Ольга чувствовала рефлекторное сжатие и своих бедер тоже. Словно происходило два процесса одновременно – рождения и соития. Это было невыносимо приятно и в высшей степени эротично. Теперь она понимала, почему все древние культы плодородия Кибелы, Астарты, Изиды были так переполнены сексуальной энергией. Она прикасалась к некому фундаментальному космическому процессу, главному и основному принципу самой жизни. Принимая форму туннеля, ее тело томно и сладострастно изгибалось и легко, без усилий проскальзывало вперед, получая невероятное оргазмическое наслаждение.

Звук бубна, взвизгивая напряжение, звучал в голове, как удары непрерывно нарастающего и взмывающего ввысь крещендо в финале «Болеро». Еще одно мгновение этой едва переносимой муки – и запредельное блаженство вулканического экстаза было достигнуто! В точке наивысшего наслаждения Ольга почувствовала, как ее напряженное тело, содрогаясь в конвульсиях, выпало из упругой плоти, и следом все до единой мышцы мгновенно расслабились...

В изнеможении пловца, достигшего на последних силах берега океана, она лежала, прижимаясь к чему-то плотному. От ошеломляющих ощущений перехода в Нижний мир, ее сердце готово было вырваться из груди. Ольга сделала несколько глубоких вдохов и почувствовала, как дыхание начало постепенно успокаиваться.

Немного отдохнув в траве необычайного голубоватого цвета, она встала на ноги. Оглядываясь по сторонам, с немалым удивлением девушка обнаружила, что здешний ландшафт очень похож на земной. Но выглядел он так, как будто художник изобразил его несколько стилизованно, не слишком заботясь о достоверности в прорисовке деталей. Это было похоже на старинную китайскую гравюру на рисовой бумаге: меланхоличную и настраивающую на философское осмысление вечности, грандиозности природы и неизбежности ее законов. Ускользающая от пристального взгляда статика. Деревья, трава и дальние горы на фоне сиреневого неба словно находились за полупрозрачным матовым стеклом. Все очертания были размыты, а неестественные краски приглушены.

Взглянув вниз на свои босые ступни, Ольга удивилась – олочей на ногах не было. Царапин, покусов и синяков тоже. Это озадачило. Возникло сомнение: ее ли это ноги? Вспомнив Кастанеду, она подняла руки и посмотрела на ладони. Стало понятно, что в иной реальности она себя контролирует. Вопрос самоидентификации сразу отпал сам собой. Оглянувшись, Ольга рассчитывала увидеть проход обратно в объективный мир, но он исчез. Сначала она испугалась. Но немного подумав, успокоилась и решила: для того, чтобы вернуться назад, надо идти вперед. Странное, конечно, умозаключение, но она почему-то была уверена – здесь, в Лукоморье, все должно быть наоборот.

Узкая протоптанная в траве дорожка тонкой ниточкой убегала в глубину леса и исчезала дальше в дымке тумана, за которым слышался шум разбивающейся о камни воды. Видимо, где-то дальше впереди проносилась горная река. Ольга решила: раз она сюда попала через исток, то, чтобы ей вернуться, надо идти обратно к воде. Она сделала шаг, и ей вдруг стало весело. Она словно ощутила себя первым космонавтом на Луне. Всего лишь один маленький шагжок, а на деле – гигантский скачок, ну если и не для всего человечества, то для нее самой уж точно.

Тропинка вела вверх по пологому склону холма, поросшего огромными деревьями, верхушки которых исчезали где-то высоко в облаках. Такие вековые кряжи обычно изображают киношники в своих фильмах-фэнтези. Ее немного удивляло, что при отсутствии солнца темно здесь не было. Скорее сумрачно. Нижний мир явно не соответствовал ее представлениям о «том свете». Пейзаж, пожалуй, более напоминал северный, но угнетающе на психику не действовал. Петляющая в зарослях узкая дорожка периодически наталкивалась на большие валуны, очень похожие на тот, что остался наверху. И Ольге приходилось огибать их.

Но то, что она увидела дальше, стало полной неожиданностью. Сказочный мир оказался обитаемым. Величественный сохатый с рогами в размах не менее двух метров, с шумом раздвигая ветки, царственно выплыл из леса. Прошел впереди и, не обратив на девушку никакого внимания, неспешно скрылся в кустарнике. С любопытством подняв глаза, Ольга обнаружила, что высоко в сиреновом небе парит огромная птица, по всей вероятности, орел. Это почему-то подняло ей настроение, и она более уверенно зашагала на шум воды, доносящийся из-за деревьев. Наполненный живыми существами окружающий ландшафт больше не казался ей искусственным.

Пройдя еще какое-то время, она опять в испуге остановилась: чуть поодаль, буквально в нескольких метрах от нее, через тропинку перемахнул огромный волк. Его дымчато-серая шкура с густыми белыми подпалинами, несмотря на отсутствие солнца, блестела, словно покрытая бриллианом. Потрясающе мощный и красивый зверь! Волк обернулся, пристально посмотрел на Ольгу своими удивительными голубыми глазами и равнодушно продолжил свой путь трусцой дальше. Оправившись от испуга, девушка поняла, что здешним обитателям в качестве пищи она не интересна.

Шум реки слышался уже более явственно, и Ольга ускорила шаг. Удары бубна, постепенно отдаваясь, становились все глуше, но при этом не снижали своего темпа ни на секунду. Ольга знала, что надо спешить, сигнал возвращения может прозвучать в любой момент.

Проходя под кроной большого дерева, напоминающего дуб, Ольга услышала над головой знакомое мягкое урчание. Посмотрев наверх, она с удивлением увидела... улыбку.

Прямо над ее головой на ветке сидел кот. Наверное, Чеширский, внутренне рассмеявшись, решила она. Его пушистый с черным кончиком и несколькими поперечными кольцами хвост свисал с дерева. Из-за неудобного угла зрения Ольге снизу были видны только шея и лапки маленького зверя. Чтобы получше разглядеть животное, она сделала шаг назад и увидела сидящего на ветке дикого лесного кота полностью. По виду очень похожего на домашнего, но все же чем-то неуловимо отличающегося от него.

Кот был неяркого палевого окраса, с узкими серыми полосками на боках. От лопаток вдоль спины шла широкая черная линия, а на симпатичной мордочке от носа по лбу и темени пробежали четыре длинные продольные отметины. Живот и лапы с внутренней стороны выглядели светлее, а на горле в форме белой манишки расплылось большое белое пятно. Обычно дикие коты очень пугливы, но этот смотрел на Ольгу сверху с явным любопытством, и она была уверена – разрази ее гром! – довольно снисходительно и даже нахально ей улыбался, помахивая хвостом. Ольга всегда любила кошек и чувствовала внутренне родство с ними. Если бы не мамина аллергия, то она давно развела бы их дома. И, подобно конченной старой деве, наверняка не одну. Ольга улыбнулась коту в ответ и поспешила дальше.

Пройдя сквозь лес и поднявшись на вершину горы она, наконец, добралась до бурной реки, протекающей внизу на другой стороне склона. Ольга хотела понять, куда уходит эта река, исток которой терялся где-то далеко в покрытых полупрозрачной дымкой горах. Неширокое речное русло пролегло вдоль скалистых берегов, но в том месте, куда вышла Ольга, берег был пологий и усыпанный мелким гравием вперемежку с песком. Все это походило бы на привычный земной пейзаж, если бы не одна более чем странная деталь.

На берегу невысоко над землей парил яркий светящийся шар. Диаметром полтора-два метра. То ли маленькое солнце, то ли неподвижная шаровая молния или огромный плазмод. Понять было невозможно – аналогий в памяти не возникало. Тепла от шара почему-то не исходило. Только яркий ослепляющий свет, в лучах которого, вытянувшись на песке на всю длину, томно нежилось некое существо. Довольно необычное, но почему-то невероятно знакомое. Ольга озадаченно уставилось на гладкую, без единого волоска желтовато-зеленого цвета спину, покрытую коричневатыми пятнами. Хвоста снизу спины не было. Строение тела этого существа определенно напоминало человеческое, но по некоторым признакам все же выглядело как тело рептилии.

Существо начало лениво поворачивать голову, и в этот момент Ольга уже знала, где и когда она его видела. Это в его теле она обнаружила себя лежащей на берегу озера во время холотропа полгода назад, именно его примитивно срубленное изваяние сейчас стояло в шаманском чуме Гускезейн недалеко отсюда. Это была Абуга – прародительница и мать первой шаманки. Потрясенная Ольга замерла, не зная как поступить. Никаких инструкций по церемониалу для общения с божествами у нее не было. То ли ниц сейчас падать? Или, может, достаточно просто присесть в книксен? Что на уме у этого божества – тоже непонятно. И Ольга решила инициативу не проявлять и ничего не делать до прояснения ситуации.

Тем временем Абуга поднялась на задние то ли лапы, то ли ноги и оказалась несколько выше Ольги. Стало сразу ясно, что существо это женского пола. Небольшая, но все же достаточно выраженная грудь находилась на том месте, что и у любой обычной женщины. Половые органы вместо волос были скрыты складкой в самом низу живота. Ни чешуи, ни перьев на теле существа не было. Лицо (сказать «морда» в отношении богини язык как-то не поворачивался) скорее напоминало ящерицу. Огромные зеленые глаза с вертикальными зрачками смотрели на девушку совершенно осмысленно. Мимика агрессии не выказывала. Скорее наоборот, Ольга чувствовала, что от этой человеко-ящерицы исходит нескрываемое и неопасное для нее любопытство. В голове, на телепатическом уровне, она услышала: «Не

бойся. Это я научила твоих предков шаманству и дала им силу. Теперь хочу дать тебе. Старые шаманы умерли, а Гускеэйн слишком стара и слаба. Времени у нее почти не осталось. Нет никого, кто бы научил тебя. Поэтому я буду тебе помогать».

Безмолвно сказав это, Абуга подошла и взяла Ольгу за руку. Ее ладонь оказалась теплой. Это немного успокоило. Богиня мягко, чтобы не испугать, подтолкнула девушку к светящемуся шару.

«Теперь дотронься, – прозвучало у нее в голове, – это родоначальник – источник твоей новой силы».

«А это не опасно?» – так же мысленно спросила Ольга. Она понимала, что сейчас пройдет ритуал инициации, а это всегда испытание.

«Для тебя – нет. Ты выдержишь. Прикоснись, и все изменится».

Изменений в ее жизни за последнее время и без того хватало, но Ольга покорно, словно под гипнозом, протянула руки и кончиками пальцев после секундного колебания прикоснулась к поверхности плазмоида. Убедившись в безопасности, она облегченно вздохнула и медленно погрузила кисти рук во что-то упругое и тяжелое, напоминающее ртуть. Но при этом не физическое. Субстанция сопротивлялась и перекатывалась под пальцами как упругость между одноименными полюсами магнита. Вещество походило на что-то промежуточное между разряженной материей и плотной энергией. Скорее даже не вещество, а сжатая энергия, но еще не достигшая стадии материи.

Подвижная субстанция шара, слегка покалывая, начала медленно через ладони и потом дальше по предплечьям растекаться по телу Ольги, делая его необычно тяжелым и что-то изменяя внутри. Это было очень странно, но и приятно в то же время. Когда каждая ее клетка наполнилась концентрированной энергией, руки девушки сами выскользнули из шара. Но Ольга уже понимала – теперь она стала иной. Какой – еще не понятно, но не прежней – однозначно.

Внезапно ей захотелось петь. Звуки рвались наружу, и Ольга разразилась песней, в которой не было слов. В человеческой речи нет звуков, которые могли бы выразить ее состояние. Теперь она видела самую суть вещей. Хотелось плакать и смеяться одновременно. Ей вдруг показалось странным: как она могла столько лет позволять себя дурачить? Вся академическая шелуха, заполнявшая многие годы ее голову, в одну секунду утратила всякую ценность. Желание анализировать, рассуждать, изучать мгновенно исчезло – ученый умер в ней в ту же секунду. Теперь стало ясно, о каком облаке говорила Гускеэйн. Все, что она видела вокруг, вдруг ожило, и волшебный свет разливался волнами, озаряя окружающий сумрак. Ощущая себя существом без границ, она больше не воспринимала мир фрагментарно. Он был полон духов Неба, Гор, Ветра. Лес неожиданно оказался чувствующим и мыслящим. Она видела живую траву, воду и камни и могла говорить с ними. В мгновении инсайта⁵ она достигла нового уровня глобального осмысления окружающего мира и понимала, что теперь уже никогда не сможет воспринимать его прежним. Она увидела все таким, какое оно есть на самом деле.

Повернувшись к Абуге, она заметила стоящих за ней духов-хранителей. По растерянному выражению их лиц Ольга поняла, что произошло нечто-то из ряда вон. Но они стояли на почтительном расстоянии и не смели приблизиться. Внезапно Ольга вспомнила предостережения Гускеэйн: ни к чему не прикасаться. Но обдумывать ситуацию долго не пришлось – бубен старухи внезапно умолк. После короткого промежутка прозвучали три резких удара. Это был сигнал возвращения. Ольга почувствовала легкое разочарование, но времени на рассуждения не осталось. Взглянув напоследок в зеленые нечеловеческие глаза Абуге и махнув

⁵ Инсайт – (от англ. insight – проницательность, проникновение в суть, понимание, озарение, внезапная догадка) – интеллектуальное явление при котором решение достигается путем мгновенного постижения целого, а не в результате анализа.

рукой духам предков, она кинулась к берегу, взобралась на большой камень и прыгнула в бурлящую воду. Поток моментально подхватил и понес ее с огромной скоростью.

Оказавшись в реке, Ольга радостно засмеялась. Обжигая тысячами пенящихся пузырьков, вода холодила и щекотала ее кожу. Девушка нырнула вглубь и с удивлением обнаружила, что может дышать под водой. Всплыв на поверхность, она на секунду оглянулась и увидела, что река уже отнесла ее достаточно далеко от того места, где висел таинственный шар. Ольга повернула голову обратно, и мысленно ахнула – огромная пещера, внезапно появившаяся из-за поворота, разверзла перед ней свою широкую черную пасть, в которой с грохотом исчезал водный поток. Она даже не успела испугаться, как чрево горы мгновенно затянуло ее в пропасть водоворота.

Приятная бархатная темнота окутала ее мгновенно. В водной стихии тело девушки словно парило в невесомости и погружалось все глубже и глубже. Ольга больше не падала. Чувство падения сменилось чувством управляемого полета. Выставив руки вперед, и вытянувшись словно струна, она неслась внутри темного тоннеля длинной подземной реки. Впереди, мягко мерцая, как свет далекой звезды, светила голубоватая точка выхода. Свет звал. Она летела к нему на большой скорости, ощущая счастье, покой, блаженство и свободу.

Но скоро опять послышались три удара бубна. Путешествие закончилось. Ольга открыла глаза и увидела, что солнце только-только осветило верхушки деревьев, а тонкий краешек неба на фоне отступающей ночи чуть-чуть порозовел.

8

– Просыпайся, лежебока. Скоро вечер, ты так все на свете проспичь.

Гускеэйн легонько толкнула лежащую в спальнике девушку, сознание которой только-только нехотя начало возвращаться обратно в тело. Как будто из наркоза. Сквозь едва приоткрытые ресницы она увидела, что солнце, сделав оборот, уже осветило вечернюю сторону чума. Первый раз за много месяцев Ольга спала без снов – глубоко и спокойно. Это было выздоровление. Она подняла руки, выгнула, как кошка, спину, и блаженно простонав, потянула онемевшие за время сна мышцы.

– Бабуль, я есть хочу, – радостно проорчала из мехового мешка новоиспеченная шаманка. Она уже и не помнила, когда в последний раз просыпалась с таким звериным чувством голода.

– Одевайся, скоро готово будет.

Ольге показалось, что голос Гускеэйн прозвучал мягко и ласково. Она чувствовала – что-то сильно изменилось в ней самой и вокруг. Сломав плотину привычного, нейроны ее мозга, как стремительно стекающиеся весенние ручейки, начали прокладывать потоки иного восприятия и мышления. В отличие от прежнего неприветливого островка, стоящего посреди глухой тайги, этот чум и новый чудесный мир, окружавший его, теперь казался уютным и безопасным. А глаза старухи светлыми и спокойными, как чистое лесное озеро. Ольга ощутила нежность к этой старой и такой одинокой женщине, и ей захотелось обнять ее за плечи и немного приласкать. Беря миску из ее рук, девушка благодарно коснулась тыльной стороны ладони Гускеэйн. Старуха это заметила.

После еды всем видом шаманка дала понять – вот теперь она готова слушать. Ощувив в себе прежде несвойственную ей игривость, Ольга весело рассмеялась. Она вдруг представила, что случилось бы, расскажи она кому-нибудь другому, менее осведомленному, о своем ночном приключении. Ну, потеря репутации – как минимум.

– Бабуль! А я таки попала в Нижний мир. Если честно, накануне я была в отчаянии. Мне казалось, что никогда не смогу этого сделать. Потом очень удивилась, когда все получилось. Сначала я немного боялась что-нибудь там увидеть. Но оказалось, напрасно. Нижний мир очень даже красивый. Ну, ты же и сама это знаешь, бабуль?

Только сейчас Ольга заметила, что перешла с Гускеэйн на ты. Это вышло так легко и естественно, будто между ними никогда прежде и не было ни холодка или преграды.

– Мир духов – зыбкий. Там вечно все меняется. Ты кого-нибудь встретила внизу? – спросила старуха.

– Да. Пока шла, на глаза попались несколько разных животных. Но это, наверное, не важно, потому что там я видела своих мугды...

Но тут, вспомнив о запрете Гускеэйн, Ольга осеклась. Шаманка, уловив смятение в голосе ученицы, тревожно спросила:

– Ты что-то не договариваешь?

После секундного колебания Ольга решила:

– Бабуль, я там встретила Абугу, и она говорила со мной. Она приказала мне прикоснуться к огромному светящемуся шару. Не знаю почему, но я ей подчинилась. Даже передать не могу, что со мной потом произошло. Я увидела все вокруг себя совершенно новыми глазами. Как будто облако расступилось. Во мне что-то очень сильно изменилось. И я теперь уже не прежняя....

Ольга смущенно замолкла. Старуха выглядела растерянной. Девушка осторожно спросила:

– Бабуль, я что-то не так сделала?

Пауза показалась довольно длинной и оттого пугающей. Старая шаманка долго молчала, потом медленно проговорила:

– Если Абуга хочет что-то сказать, то делает это через духов-хранителей. Они сообщают волю богов. До сих пор ни с кем из живых Абуга не разговаривала. Во всяком случае, я об этом не слышала. Ты первая. Никто тебя еще не учил шаманскому закону, но ты все получила сразу. Нет для тебя теперь ничего невозможного. Силу от родоначальника ты обрела большущую. Только пользоваться ею пока не умеешь. Видимо, мир изменился слишком сильно и срок мой вышел. Я здесь больше не нужна.

Ольга не знала, как реагировать на слова старухи. Гускеэйн тяжело вздохнула и сказала:

– Теперь осталось последнее: найти своего ие-кыла – духа силы. И обращение твое завершится. Сегодня, как стемнеет, ты его позовешь. Без духа силы человек слаб и ни на что не годен.

– А кто придет?

– Не знаю. И никто не знает. Обретение ие-кыла не зависит от воли шамана: оно назначено свыше. Когда ты его станцуешь, тогда и поймешь. Кто-то после танца обнаруживает себя тигром или лисицей. Кто-то орлом или медведем. Это кому как повезет. Потому что все силы, присущие зверю, но и слабости тоже, перейдут к нему. Звериная сущность шамана – тайна для простых людей. Самые слабые становятся собачьими шаманами. Сильные же – это те, у кого ие-кыл орел, олень или сохатый. Злосчастные же шаманы получают духом силы волка или медведя. Звери эти хоть и сильные, но прожорливые и ненасытные, сколько ни дай – им все мало. Покоя от них нет. Я знаю. У меня самой дух силы волк. От того и зовут меня Гускеэйн – волчица. Пока я не состарилась, она тоже без конца требовала от меня обращения. Вечно крови хотела.

Ольга не поняла.

– Как это – обращения?

– Превращения в ее сущность. То есть хочет, чтобы душа шамана обращалась в своего ие-кыла и рыскала везде. Превращаясь в него, шаман обретает силу всевидения и сам делается полудухом-получеловеком. Язык диких тварей, камней и деревьев после этого ему понятен. А звериному двойнику во все миры дороги открыты.

– То есть надо будет оборотнем становиться?

– Ну да. Можно и так сказать. Но это скрывается ото всех. Простые люди видеть ие-кыла не должны. А если видят, то для них же лучше ничего не понимать. Только другой шаман это может. Когда шаманы из враждебных родов воюют, то дерутся не они, а их ие-кылы. Но болеют после драки уже сами, а не их духи. Несколько наших шаманов так погибло. Если появляется новый ие-кыл, то другие быстро узнают об этом. Молодые и задиристые, сразу лезут к нему силой мериться.

– Глупые, – рассмеялась Ольга, – я лично ни с кем и ничем не собираюсь мериться. Самые сильные – это те, что самые умные и хитрые. Я просто убегу и спрячусь.

Гускеэйн как-то странно взглянула на девушку, но ничего не ответила.

9

Стоящие в темноте деревья окружали двух женщин со всех сторон. Черная стена из плотно сплетенных ветвей выглядела угрожающе, но Ольге страшно не было. Скорее наоборот. Таинственное пространство векового леса, в котором кипела полная драматизма ночная жизнь, притягивало к себе. Там, в крошечной темноте, все что-то ели или кого-то. Пищевая цепочка не разрывалась ни на секунду. Здесь властвовали простые и честные законы и никого не убивали ради забавы. Напитавшая все живые тела энергия земли и солнца рано или поздно возвращалась обратно в Космос.

С благоговейным трепетом Ольга склоняла голову перед древней мудростью природы, которая теперь в ее новом зверином облике обязательно откроет ей свои сокровенные тайны. И все безграничные силы, присущие дикому миру, перейдут к ней. Это было невероятно насыщенное чувство. Сейчас она ощущала: каждое движение ее мысли и тела состоит из тех же элементарных частиц, что и все проявления окружающего материального мира. Все это взаимодействует между собой и с ней по одним и тем же вселенским законам, или проще – по программе Великой Божественной Матрицы. Без которой нет цели и смысла. Все хаос и случайность.

Конечно, она знала это из книг и раньше. Но теперь прежнее знание выглядело каким-то поверхностным и даже банальным. Знать и переживать – два абсолютно разных полюса миропостижения. Выпав из прежней привычной системы, она внезапно подняла свое сознание на более совершенный уровень. Теоретик исчез и родился шаман эмпирик. Ольга улыбнулась: какая невосполнимая потеря для науки!

И в этот момент Гускеэйн приложила колотушку к бубну. Потребовалось всего лишь несколько ударов, и сознание Ольги поплыло. Внезапно ей захотелось кружиться, и она без сопротивления подчинилась этому желанию. Отпустив тело, девушка мысленно позвала своего духа силы.

Ответ пришел мгновенно. Сперва тихо, а потом и со все возрастающим темпом, из ее горла начали вырываться странные, словно протяжный вой ночного зверя, звуки. И Ольга запела. Это была песня без слов – спонтанная и неуправляемая, похожая на монотонную буддийскую мантру. Исходящую из самой глубины ее существа. Полные грации и пластики движения вновь обращенной шаманки подчинялись ритму внутренней музыки. В абсолютном доверии она отдавала свое тело и сознание чему-то, настойчиво проникающему в нее. Что-то незримое управляло ее движениями, заставляя руки и голову делать прежде не свойственные ей пасы. Ее тело больше ей не принадлежало и даже не являлось частью обыденной реальности. Стоило только прекратить сопротивляться – мощный витальный поток подхватывал Ольгу и начинал кружить в вихре танца. Шквал феерических образов и видений рождался в ее голове.

Самым поразительным было ощущение осторожного прикосновения к земле подушечек чьих-то мягких лап, почему-то показавшиеся ей знакомыми! Это было поразительно! Тело помнило их. Ольга открыла глаза, и ей почудилось, что она увидела не свои ладони, а... кошачьи лапки. Зажмурившись, она потрясла головой, открыла глаза – это снова были ее ладони. Но стоило ей только обратно сомкнуть веки – видения нахлынули с новой невероятной силой. Теперь не оставалось никакого сомнения – танцую, Ольга обнаружила себя в теле дикой кошки.

Чем дольше продолжался танец, тем отчетливее и сильнее были эти ощущения. Ей безумно не хотелось, чтобы пришедшее животное покидало ее. Ольга решила: пока звучит бубен, она больше не станет открывать глаза и постарается погрузиться в это фантастическое переживание до самого конца...

Но вскоре, к великому разочарованию, она услышала сигнал идти назад. Реальность быстро начала возвращаться, и Ольга вновь ощутила власть физического над своим телом. Возвращение было неприятным. Жесткий, словно наждак, грубый телесный мир больно оцарапал кожу и показался ловушкой. Духовный мир выглядел более свободным и насыщенным, чем застенки материи, за которые она только что заглянула. Теперь она знала – в тело кошки она вернется обязательно. Это был наркотик, без которого она больше не сможет жить.

Гускеэйн стояла в темноте и внимательно наблюдала за Ольгой. Казалось, она была обескуражена.

– Тебе повезло, что нынче полнолуние. Боги были благосклонны. Ие-кыл пришел быстро. На сегодня хватит. Пошли обратно. Я устала.

Ольга нехотя последовала за старухой. Вернувшись в чум, Гускеэйн подбросила немного веток в костер, и, сытый, благодарно затрепав, он осветил уютным пламенем нависающие стены. Сев напротив очага, старая шаманка испытующе посмотрела на Ольгу.

– Ну, какой зверь пришел к тебе?

– А разве ты сама не видела? – со смехом ответила девушка.

– Видела.

– Бабуль, я была кошкой. И мне безумно это понравилось. Теперь я знаю, что она жила во мне всегда, просто сегодня я впервые выпустила ее на свободу.

Похоже, что Гускеэйн не знала, как относиться к произошедшему.

– Ни у кого из нашего рода лесной кот не был духом силы. Но что пришло, то пришло. Через несколько лет духа силы можно и поменять. Если потребуется.

– Меня и этот вполне устраивает, – огрызнулась Ольга. – Обожаю кошек. Они такие красивые ловкие и грациозные! И главное – умные. И живучие невероятно. Они всегда приземляются на лапы.

– А еще своенравные, похотливые, хитрые и коварные. Чего сами не добудут – своруют. Ольга обиделась.

– Зато кошка везде пройдет незамеченной. Ей не надо прятаться от людей, как медведю или волку. Ну, скажи, кто обращает внимания на кошек? Их даже в церковь пускают. Кстати, древние считали кошек стражами на границе миров. Они могут ходить туда и обратно без ограничений в любое время. И вообще – не хочешь кормить котов – будешь кормить крыс.

– Нечего спорить. Такова воля богов. Раз они так решили, значит, это для чего-то нужно. Поэтому даю тебе новое имя: Хумтэ. Никогда его не называй вслух. Кто узнает твое истинное имя, получит власть над тобой. Пользуйся только первым. Хумтэ – тайное имя твоей сущности. Обращаясь за помощью к силам предков, не забывай его называть.

– Хумтэ?! Как красиво! А что это обозначает?

– Кошка и означает. Ладно, ложись спать. Кто бы ни был твоим духом силы – он тебя еще позовет.

10

В отверстии дымника виднелся маленький кусочек ночного неба. Ольга лежала в спальнике и долго не отрывая глаз смотрела на яркую мерцающую звезду. Или планету? Ее представления об астрономии были самыми поверхностными. Спать не хотелось. Стоило ей только прикрыть веки – шквал ощущений вновь захватывал ее с нарастающей силой. Тихий шепот, шедший из темноты, украдкой пробирался к ней уши и настойчиво тянул наружу. Это был зов пробуждающегося внутри нее неведомого существа. И как только старуха, задремав, негромко захрапела, Ольга бесшумно выскользнула из постели...

Ставший уже привычным за последние несколько дней окружающий лес сейчас вдруг изменился до неузнаваемости. Вчерашняя комфортная, полная будничной суеты городская жизнь теперь казалась иллюзорной. Возникло иррациональное чувство возвращения к себе самой. Вглядываясь в черную глубину тайги, Ольга с удивлением понимала – ее глазам совсем не нужно время для адаптации. Даже небольшого отблеска луны оказывалось достаточно, чтобы отчетливо различать предметы ничуть не хуже, чем днем. Тихие шорохи, рожденные слабым ветерком, звучали как раскаты грома. Слух, зрение, осязание – все изменилось. Вернувшись к своей животной природе, они подчинялись какому-то иному ритму и функционировали не так, как прежде.

Ольга задумалась: интересно, произошла ли трансформация ее органов чувств или только обострились их прежние функции? Пожалуй, было бы сейчас интересно взглянуть на свою энцефалограмму. Но тут же отмахнулась от этой пустой, как назойливая муха, мысли. Все это заезженные шаблоны – левое полушарие так просто, без боя, власти не сдает.

Ольга знала: тот непознаваемый логикой мир, в который она хотела попасть, не мыслился средствами и символами рационального языка. Человеку не дано постигнуть истинную природу бытия, все, к чему прикасается интеллект, мгновенно становится материей. Здесь нельзя было думать словами или образами. На прежней ступени у разума оставалась единственная функция: настроить колебания мозговых волн на частоту некоей идеи или заданной цели. Дальше власть левого полушария заканчивалась. Если его отключить, следом мгновенно исчезнет то, что люди называют «объективной реальностью». Той, которая состоит из разделенных осязаемых объектов. Ольга предположила: если усилием воли прекратить свой внутренний диалог, соединяющий ее с внешним миром, то связь прервется. То есть надо попросту найти и сместить «точку сборки»⁶.

Ну да – «попросту»! Смешно! Проще, конечно, прибегнуть к внешним воздействиям: психоделикам или низкочастотному ритму, но это привязка. Зависеть от чего-то внешнего, чем она не управляет, не хотелось. Ей была нужна свобода и ежесекундная доступность в миры тонких энергий. Стучать в бубен, чтобы изменить амплитуду мозговых волн – это как-то архаично. Древним магам без этого, конечно, было не обойтись, но она-то более эволюционно продвинутое существо. Ольга расслабила мышцы, сконцентрировалась и заблокировала левое полушарие...

⁶ Точка сборки – термин Кастанеды. Особое (ограниченное) место духовного тела человека, через которое он воспринимает энергетические сигналы внешнего мира и положение которой возможно изменить. Незначительное смещение точки сборки приводит к изменению точки зрения на знакомый мир; сильное смещение приводит к попаданию в какой-нибудь из других миров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.